

Владимир Гораль

Марш Кригсмарине

Владимир Гораль

Марш Кригсмарине

«Э.РА»

2017

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

Гораль В.

Марш Кригсмарине / В. Гораль — «Э.РА», 2017

ISBN 978-5-00039-622-3

Главному герою повести «Марш Кригсмарине» корветтен-капитану Отто фон Шторму не понаслышке знакомо понятие чести германского офицера. Среди воспитанных на «идеалах национал-социализма» молодых командиров боевых субмарин он – «белая ворона», а значит – не миновать ему смертельных врагов среди сослуживцев. Отто фон Шторму предстоит пройти через моря и океаны, сражения и приключения. Он, теряя друзей и любимых, пытается отыскать свою Правду, которая важнее, чем жизнь и выше, чем воинский долг.

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

ISBN 978-5-00039-622-3

© Гораль В., 2017
© Э.РА, 2017

Содержание

Посвящение	5
Марш Кригсмарине	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	36
Глава 10	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Владимир Гораль

Марш Кригсмарине

Посвящение

12 сентября 1942 года у берегов Западной Африки немецкая подлодка U-156 атаковала и потопила британский транспорт «Лакония». На его борту находилось более тысячи итальянских военнопленных солдат-союзников. Всего на пассажирском лайнере было 2 789 человек – итальянцев, немцев, англичан, в том числе женщин и детей. Командир U-156 Вернер Хартенштайн отдал невероятное в боевых условиях распоряжение: подняться на поверхность и попытаться спасти хотя бы часть пассажиров. Никто не ожидал от Хартенштайна таких странных, подвергающих опасности лодку и экипаж действий. Командующий подводным флотом Германии Дёниц в своём приказе «Лакония» прямо и жёстко осудил подобный «неуместный в условиях войны гуманизм».

Эта книга – не документальное произведение, реальные факты в ней чередуются с авторским вымыслом. Книга посвящена не конкретному Хартенштайну, а человеку, который в условиях Ада Войны пытается остаться таковым. Поступок командира U-156, накрывшего хотя бы временно свою «машину смерти» белым полотнищем с красным крестом – символом милосердия – достоин уважения.

Книга посвящается всем немецким морякам, солдатам и офицерам второй мировой, сохранившим свою воинскую честь и не выполнившим безумные приказы, направленные против мирного населения. Преступления против человечества не имеют срока давности – гореть в Аду нелюдям их совершавшим, но солдаты, честно воевавшие на другой стороне, имеют право быть помянутыми... Ввергнутые в пучину самой бесчеловечной бойни всех времён, они всё же находили в себе силы оставаться людьми.

Марш Кригсмарине

Глава 1

Отто фон Шторм – гордость Кригсмарине¹ и друг русалок

Сегодня 21 сентября 1951-го года. Этот проклятый шторм не унимается уже третьи сутки, а у малышки Эйди температура под сорок и жаропонижающее уже почти не помогает. Дышит она с трудом, хрипы в лёгких слышны без всякого стетоскопа, стоит лишь приложить ухо к её детской груди. Бедняжку мучает надсадный кашель. Она зажимает рот во время приступов и в маленькой ладошке остаётся пугающая ржавая мокрота. Это пневмония. Не нужно быть доктором, чтобы поставить диагноз. В сорок втором на борту моего У-бота² так же умирал моторист Шульц, и мы ничего не могли сделать, даже всезнайка-лейтенант Курт Монке – наш акустик и по совместительству врач, с четвёртого курса медицинского факультета ушедший добровольцем на флот. Дурачок начитался романтических бредней в патриотических военноморских журналах Кригсмарине: о героях-подводниках, арийских хозяевах морей и океанов.

Курт был хорошим студентом-медиком и знал своё дело. На стоянках он успел натащить на борт нашего «Чиндлера»³ множество полезных медицинских штучек, включая кучу медикаментов и даже походный набор дантиста. Этот кожаный саквояж, над которым вначале все потешались, очень пригодился нам в дальнем походе. Монке в течение месяца удалил больные зубы у двоих ребят – второго механика и боцмана. После этого парня все крепко зауважали и называли не иначе, как «наш Монке». Когда Шульц стал жаловаться на жар и боль в груди и у него начался надсадный кашель, то Монке, прослушав его стетоскопом, помрачнел и сразу поставил страшный диагноз: пневмония. Тогда это было всё равно что смертный приговор. Про пенициллин Курт читал как-то короткую заметку в медицинских изданиях. Вроде что-то там американцы экспериментируют с какой-то плесенью, но пока всё туманно. Бедняга Шульц мучился и задыхался, пока я не приказал бледному как полотно акустику-лекарю сделать больному такой укол морфина, чтобы он мирно заснул и больше не просыпался.

Об этом знали только мы двое, а в вахтенном журнале я просто указал дату и время смерти бедняги. С того дня прошло почти девять лет, и антибиотики давно уже спасают миллионы жизней. Мне же сейчас надо вырвать из лап смерти только одну маленькую жизнь, и это жизнь моей пятилетней дочери Эйди, Эидис Вард, урождённой фон Шторм. Наше родовое древо восходит к самому Генриху фон Вальпотт, первому магистру Тевтонского Ордена. Мой славный пращур Вильгельм фон Шторм был женат на его дочери. По большому счёту мне, графу Отто фон Шторм, всегда было наплевать на собственную голубую кровь, и только с рождением дочери этот, как мне всегда казалось, ветхозаветный казус приобрел для меня какое-то значение. Да и, наверное, я просто старею. К тому же теперь, когда мой родной Книгсберг⁴, сердце Восточной Пруссии, аннексирован русскими, история моей семьи как часть истории моего побеждённого, униженного и разодранного на части Отечества стала для меня по настоящему важной.

Когда-то в начале войны пропагандистские борзописцы из разных газет и журналов пытались сочинять обо мне всякие небылицы. У меня с сорок первого по сорок второй годы было

---

¹ Кригсмарине (нем.) (Kriegsmarine, военно-морской флот) – официальное название германских военно-морских сил в эпоху Третьего рейха.

² У-бот – U-Boot (нем.) – unterseeboot – подводная лодка.

³ «Чиндлер» – Schwindler – плут, акула (нем. сленг).

⁴ Книгсберг – Knigsberg (прусс.). Кёнигсберг в прусской транскрипции.

самое большое по тоннажу количество потопленных неприятельских кораблей и судов. Я просто был тогда удачливым командиром «Чиндлера», У-бота – одной из новейших на тот момент немецких подлодок. Это плут «Чиндлер» был везунчиком – я же просто при нём подвизался. Один шелкопёр-журналист тиснул про меня статейку в Фёлькишер Беобахтер⁵. Эта галиматья называлась простенько и со вкусом: «Отто фон Шторм – гордость Кригсмарине и друг русалок». «Гордость Кригсмарине» это ещё можно было как-то пережить, но «друг русалок» – это уже было ни в какие ворота. «Друг русалок» это, видите ли, потому, что я исправно и в больших количествах снабжал это племя рыбохвостых баб свеженькими приятелями из числа англо-американских утопленников. Надо мной потешалась вся братва из плавсостава нашей флотилии. Пришлось терпеть, пока не догадался выставить грузовик пива для всей честной компании.

Но сейчас единственная цель моей жизни – спасти дочь. В моём распоряжении рыбацкая лодка с мотором, но в такую погоду нечего и думать, чтобы выйти в море, а не то, что добраться до материка. Хотя, стоп! Вот сейчас, только что, когда я по многолетней привычке пишу этот текст в ежедневнике, мне вдруг вспомнилось, что в тайном гроте под островом, где во время войны находилась секретная база наших У-ботов, есть один, ставший мне случайно известным, тайник. В нём возможно, – Господь, сотвори чудо! – хранится трофейный американский пенициллин, – чем чёрт не шутит! – и если я его добуду, то главное, чтобы он всё ещё был пригодным для лечения...

Я был в полном отчаянии, хотя сам тайник нашёлся довольно быстро. В конце концов, об устройстве внутренней инфраструктуры базы «Лабиринт» мне было известно гораздо больше, чем многим, поскольку последние шесть лет были частично потрачены на её подробное изучение. Весь огромный грот, в котором расположилась сверхсекретная стоянка для наших У-ботов, это совместное творение природы и человеческих рук. Мои находки в его дальних, самых потаённых и веками не посещаемых людьми местах, были порой весьма романтичны. Кого-нибудь они могли бы сделать счастливым и богатым человеком, но только не меня. Деньги это не моя страсть. Я не из тех парней, кого может осчастливить солидный счёт в банке. В северной части «Лабиринта» я когда-то нашёл комнату, а в ней сейф средних размеров, весом с центнер. Тогда эта находка меня не заинтересовала, но теперь я вернулся сюда в отчаянной надежде найти лекарство для моей девочки. Сейф не был снабжён чересчур хитрым замком, но и я не был медвежатником. В любом случае, на одном из складов, где-то ближе к причалам, находился автогенный аппарат – два небольших баллона со шлангами, медной трубкой и насадкой резака. Я не пошёл за автогеном, а, чтобы не терять время, взвалил на спину сейф и почти бегом понёс его через весь грот, петляя по закоулкам и поворотам. Усталости в горячке я не чувствовал, и когда вышел в туннель узкоколейки, лишь прибавил скорости. В конце концов, я вскрыл этот чёртов несгораемый шкаф. Проклятье! В нём находился всего лишь один единственный кожаный портфель, упакованный в большой пакет из вошёной бумаги для страховки от сырости. Портфель выглядел солидным и дорогим – из крокодиловой кожи, с массивными бронзовыми замками-клапанами. Неизвестная сволочь плотно набила его канцелярскими папками с какими-то бумагами, но не удосужилась положить в сейф то, что я так надеялся найти – лекарство для Эйди.

В полнейшей прострации, не помня себя, покинул я этот проклятый, не принёсший мне удачи «Лабиринт», и только когда добрёл до своего жилища, обратил внимание, что сжимаю ручку совершенно ненужного, бесполезного для меня портфеля. Я со злостью отшвырнул его в сторону и вошёл в дом. К добру ли, к худу, но во внутренней атмосфере моего жилища что-то изменилось. Я почувствовал это прямо с порога. Прабабушка Эйди, старая лапландка

⁵ «Фёлькишер Беобахтер» – («Völkischer Beobachter») – «Народный обозреватель» – немецкая газета. С 1920 – печатный орган НСДАП.

Кильда, появилась у нас три дня назад. Она возникла на пороге молчаливым тощим призраком в длиннополой затёртой песцовой шубе. Явилась без приглашения, будто почувствовав, что правнучка, которой она прежде никогда не интересовалась, в опасности. Кильда жила на северной оконечности острова, за большой горой. Жила она в совершенном одиночестве, не общаясь ни с недавно умершей дочерью – моей покойной тёщей, ни с внучкой Анной – моей женой. У старухи среди полутора десятков островитян, всего населения острова, сложилась прочная репутация опасной и недоброй колдуньи. Репутацию старой отшельнице испортила её необщительность, – люди не любят, когда их игнорируют. Кильда без лишних разговоров принялась поить правнучку каким-то отваром из неведомых полярных лишайников. Запаха у этого напитка почти не было, а вкус был горек, как жизнь подводника. Прежде чем разрешить старухе врачевать ребёнка какой-то неизвестной шаманской дрянью, я сам, с отвращением и не без опасений, влил в себя полкружки этой гадости. Ничего страшного со мной не произошло. Кильда посмотрела на мою перекошенную от горечи физиономию и произнесла по-норвежски: «Принеси мёд». Я уже собрался съязвить по поводу того, что до ближайшей пасеки далеко, но лапландка посмотрела сквозь меня и, окончательно озадачив, ровным тихим голосом без эмоций добавила: «Возьми у своих». Тут до моей тупой башки наконец дошло, что мне надо идти в «Лабиринт», где, кроме прочего, находится пищевой склад с бакалейными товарами. Там, среди жестяных упаковок с плавленым шоколадом и промасленных банок сгущёнки, я отыскал небольшой фанерный ящик с надписью «Honig», а в нём, среди древесной стружки, тщательно упакованные в ячейки, шесть литровых стеклянных банок с отличным сотовым мёдом. Этот чудесный, золотисто-прозрачный продукт даже не засахарился, наверное, благодаря находящимся в нём восковым сотам. Я с новой надеждой примчался в дом, и Кильда опять заварила своё снадобье, уже на основе добытого мной целебного янтарного мёда. Однако мои ожидания не оправдались, к вечеру Эйди стало ещё хуже. Она металась в жару, без памяти, на мокрой от пота подушке, и я в отчаянии, надеясь на чудо, вернулся в морской грот для лихорадочных, но безуспешных поисков пенициллина. И всё-таки, что-то изменилось за десять-двенадцать часов моего отсутствия. Я вошёл через дверь прихожей в комнату, весь внутренне сжавшись, готовясь к самому страшному, но увидел совсем другую, неожиданную картину. Моя маленькая Эйдис, бледная и исхудавшая за время болезни, полусидела в своей кровати, слегка откинувшись на подушки из песцовых шкурок, а Кильда, мурлыча, словно тощая старая кошка, кормила её рисовой кашей, сваренной из крупы, добытой всё в том же щедром «Лабиринте». Я, обессиленный, почти упал на длинную скамью у стола, нервы мои после многодневного напряжения, наконец, расслабились, и я уже не в силах был удержать слёз. Они градом катились из моих глаз, так, что моя неухоженная борода, куда вся эта солёная сырость стекала, вскоре стала походить на мокрый пучок рыжеватых морских водорослей, что остаются на гальке во время отлива.

Я не плакал уже не помню, какую прорву лет. Не плакал, даже когда старый молчаливый француз, кладбищенский сторож, привёл меня на могилу моей первой жены – Веры. Я только что вернулся из боевого похода и поспешил к ней, живой и любимой, ожидая найти её в знакомой маленькой квартирке на улице Доулеур с нашим новорожденным первенцем на руках. Вместо этого я, с омертвевшей душой, бесчувственный как бревно, оказался к вечеру на краю старого кладбища маленького французского городка Сен-Мало. Не плакал я и в прошлом году осенью. В хорошую, тихую погоду моя вторая жена Анна отправилась со своим отцом, бывалым норвежским рыбаком, на промысел пикши у южной оконечности острова. Откуда взялась в тех местах та треклятая блуждающая смерть – всеми забытая ржавая морская мина – знает лишь злой рок, ангел смерти, преследующий моих женщин. Теперь же я, наконец, дал волю слезам, предчувствуя, что моя крошка Эйди проживёт долгую и счастливую жизнь. Я всё для этого сделаю, всё, что смогу, а могу я теперь многое...

Глава 2

Али-Баба из Кригсмарине

– Меня всегда раздражал этот австрийский выскочка Шикльгруббер. Не потому что я фон Шторм, потомственный дворянин, а он – апофеоз плебея, настолько поверившего в свою гениальность, что заставил поверить в неё других; и не потому, что задним умом все сильны, и под его «гениальным» руководством Германия пришла к самой страшной катастрофе в своей истории. Гитлер – это рок, тяжёлая болезнь, которой должен был переболеть один из самых великих народов Европы. Не будь его, на его месте был бы кто-нибудь другой. Моя просвещённая нация, нация поэтов и философов сама пришла к закономерному финалу. Творец послал нам Вождя в наказание за Гордыню. Мы возомнили себя избранным народом, забыв о том, что быть избранным – означает оказаться в конце концов распятым. Пример тому иудеи. Вот удел племени, давшего миру Книгу. Их история – история проклятых, череда бесконечных несчастий. Мы самые умные в собственных глазах, а значит – безмерно глупые немцы, решили оспорить у вечно гонимого народа право на избранность, не понимая того, что это право есть право на мученичество. Ну что же, сбылись мечты идиотов...

Теперь, наверное, черти в Аду крутят фюреру документалку о том, как его «стараниями» нация, которую он мечтал уничтожить, вдруг через два тысячелетия вновь обрела собственную государственность и, похоже, успешную. Вскрылись такие ужасающие подробности преступлений наших безумных наци и их помощников, что народы Европы и американцы не стали препятствовать стремлениям выживших евреев их экспансии в Палестине. Говорят, что сам дядя Джо одобрил возникновение Израиля, желая видеть его просоветским. Америка, конечно, тоже не останется в стороне, а уж хитроумные иудеи сумеют извлечь выгоду из соперничества этих двух планетарных громил, чума на оба их дома...

Этот пассаж о Гитлере наваял мне один эпизод, когда я в своих блужданиях по «Лабиринту» набрёл на комнату для конфиденциальных разговоров и составления шифрограмм. Здесь над длинным столом висел весьма странный портрет фюрера. Вождь нации никогда не жаловал флотских, за исключением разве что подводников. Тут же, на поясном портрете, он был облачён во флотский китель с нашивками гросс-адмирала, а на его голове красовалась военно-морская фуражка. При ближайшем рассмотрении это живописное диво оказалось фантазией неизвестного художника, китель и фуражка были явно намалёваны поверх обычного, серийного портрета фюрера. Вспотел он, наверное, болезненный, в зимнем утеплённом кителе поверх пиджака. Под этим шедевром живописи обнаружился нехитрый тайник. Дверца встроенного в стену сейфа была не заперта, и в самом сейфе находилась шифровальная машинка «Энигма»⁶, которая мне впоследствии пригодилась.

За год до этого набрёл я в самом дальнем, заброшенном конце морского грота на странный колодец. Его круглые стенки были явно делом рук человеческих и в них имелись углубления для спуска и подъёма. Я запасся прочным тросом и переносным фонарём и на следующий день вернулся к этому месту. Закрепив один конец на скале и завязав другой вокруг пояса, я принялся спускаться вниз, подсвечивая дорогу фонарём. Глубина колодца была метров пятнадцать. К моему разочарованию, на его дне не обнаружилось ничего, кроме битого щебня. Поднимаясь обратно наверх, на высоте пяти метров от пола в стене колодца я всё-таки нашёл ранее незамеченный мной круглый лаз. Величина его диаметра была достаточной, чтобы в него мог залезть человек даже плотной комплекции. Что я и не преминул сделать. В этом узком туннеле мне пришлось проползти метров сто по-пластунски. Слава богу, что в подводники не

---

⁶ «Энигма» – военная немецкая шифровальная машина.

берут людей, подверженных клаустрофобии. Наконец я дополз до конца туннеля и, посветив фонарём, обнаружил внизу на глубине около метра довольно просторную каменную пещеру.

Мне без особых проблем удалось спуститься вниз, благо расстояние до пола было небольшим. Сделав первый шаг, я поскользнулся и упал. Поставив фонарь, который едва не разбил, на пол, я, поминая всех чертей марианской впадины⁷, принялся потирать ушибленный локоть. Тут-то мне на глаза и попался гладкий предмет, на который я так неосторожно наступил. Я поднял его и поднёс к глазам. Это был массивный и довольно тяжёлый (килограмма на три) диск. Рукавом куртки я потёр тёмную поверхность. В слабых лучах фонаря тусклым отблеском проявился жёлтый металл. Без сомнения это было золото. На драгоценном диске, диаметром примерно тридцать сантиметров, имелся рельефный рисунок – двуглавая хищная птица, увенчанная императорской короной.

Вспомнился полузабытый гимназический курс, История Византийской империи. Вариантов нет – это герб Палеологов, последней двухвековой династии византийских императоров. Я поднялся на ноги и, выпрямившись во весь рост, огляделся. Вдоль всей круглой стены пещеры возвышались горки каких-то предметов высотой до метра и более. Я подошёл к одной из них и взял с самого верха плоский, пористый слиток темного металла весом около двухсот грамм. Подсказка вновь вынырнула из глубины, будто всплыла с самого грунта памяти: XI–XIII век, серебряная восточнославянская грива, или гривна. Судя по всему, гривны когда-то хранились в холщовых или кожаных мешках, но органика полностью истлела за прошедшие столетия. Похоже, я, словно новоиспечённый Али-Баба, набрёл в скальном морском гроте, по соседству с секретной военно-морской базой Кригсмарине, на сказочную сокровищницу сорока разбойников. Только вот хозяева этих сокровищ за ними уже вряд ли вернутся...

Помню, как в ранней юности ночами напролёт я зачитывался «Графом Монте-Кристо» и мне даже в голову не приходило, что этот благородный граф-мститель по факту самозванец и никакой не граф... а вот я действительно граф по рождению. В нашей семье совершенно не кичились своей голубой кровью, а мой отец так и вовсе относился к этому факту с юмором, как к забавному курьёзу. В дружеской компании своих приятелей, моряков с торговых судов акционерного общества НАРАГ⁸, приписанных к Кенигсбергу, отец любил порассказать забавные анекдоты о своих славных предках, предводителях псов-рыцарей, которые, как он утверждал, получили своё прозвище благодаря густопсовым ароматам, разносившимся из недр тяжёлых доспехов. Это амбре за версту упреждало неприятеля о приближении закованного в броню отряда. Таким образом, неприятель был заранее деморализован и предпочитал спастись бегством, не рискуя сближаться со смертельно ароматным противником, дабы не погибнуть в бою от удушья. Из этого следует, что химическое оружие рыцари Тевтонского ордена начали применять за семьсот лет до газовой атаки у Ипра.

В первую мировую отец служил в Кайзерлихмарине⁹ на У-боте в чине лейтенанта и принимал участие в «неограниченной подводной войне» против торгового флота стран «Антанты»¹⁰. Ему повезло не только остаться в живых, но и стяжать воинскую славу. Потому как служил он под началом Отто Виддегена¹¹, командира легендарной U-9, в сентябре 1914

⁷ Марианская впадина – самое глубокое место в Мировом океане. Океанический глубоководный желоб на западе Тихого океана у Марианских островов. Максимальная глубина около 11 тыс. метров.

⁸ НАРАГ – Hamburg-Amerikanische Packetfahrt-Actien-Gesellschaft (Гамбург – Америка Лайн) – предприятие (Акционерное общество), основанное в Гамбурге в 1847 году для совершения рейсов через Атлантику

⁹ Кайзерлихмарине – Императорские военно-морские силы (Kaiserliche Marine) – военно-морские силы Германии с 1871–1919 годы.

¹⁰ «Антанта» (фр. entente – согласие) – военно-политический блок России, Англии и Франции, сложился в 1904–1907 годах, создан в качестве противовеса «Тройственному союзу» (Германии, Австро-Венгрии, Италии).

¹¹ Отто Виддиген (1882–1915) – подводник времён Первой мировой войны. Веддиген был одним из самых известных немецких подводников. Славу ему принесла атака 22-го сентября 1914-го года, в ходе которой U-9 под командованием Веддигена в течение часа потопила три британских крейсера: «Хот», «Абукир» и «Кресси».

потопившей в одном бою три броненосных крейсера королевского флота Великобритании. На дно Атлантики отправились почти полторы тысячи английских военных моряков. Меня, своего первенца и единственного сына, отец назвал в честь славного моряка Отто, своего командира и моего крёстного отца. Это родство и предопределило всю мою дальнейшую судьбу. В начале первой мировой войны никто, ни мы, немцы, ни Антанта не понимали, насколько серьёзным оружием является подводный флот. У-боты были технической новинкой, и их перспективная мощь была понятна лишь их создателям. Они и убедили правительство кайзера Вильгельма начать их производство. Так что до 1915 года ни один военно-морской флот мира не имел эффективной защиты от боевых субмарин, и только после урока, который Виддеген преподал англичанам, что-то поменялось. Самым эффективным противолодочным средством стало передвижение торговых судов и транспортов в составе морских конвоев, под охраной военных кораблей.

Мой крёстный отец был для меня кумиром долгие годы, пока я сам не стал командиром боевой подлодки. Я вдруг осмыслил, что в героическом сражении Отто Виддегена с тремя броненосными англичанами не всё так славно, как мне казалось в юности. Виддеген потопил первый крейсер и два других застопорили ход, решив, что их товарищ подорвался на mine. Отто торпедировал неподвижные мишени – беззащитные, лежащие в дрейфе корабли, экипажи которых были заняты спасательными операциями. Война есть война, и признаюсь, я на его месте вряд ли поступил бы иначе, только вот гордится такой победой вряд ли имело бы смысл. Я бы посчитал это рутинной боевой работой, не приносящей особой радости, все равно как азартному охотнику пристрелить больного, не способного к достойной защите зверя. Ну впрочем, таково моё личное восприятие.

Все эти мысли посетили меня за самым, что ни на есть, графским занятием. Я с любопытством, но без особых эмоций, перебирал содержимое найденного мной в древнем колодце клада. Мне пришлось потратить неделю, пока я не перенёс эти центнеры серебра и десятки килограммов золота в более удобное для себя место. Сохранились отделанные резной костью рукояти мечей и кинжалов, а также драгоценные части украшений щитов и доспехов. Железо превратилось в ржавую труху, и остались лишь детали орнамента из благородных металлов и драгоценных камней. Монеты попадались тоже весьма интересные. К примеру, я насчитал более сотни с профилем мужчины в остроконечном колпаке и с необычной бородой, заплетённой в косицы. Эти старинные деньги были отлиты в виде неправильных овалов, величиной с ноготь пальца мужской руки и весом в двадцать, двадцать пять грамм. Материалом для них служило белое золото, скорее всего – сплав золота с серебром. По-моему, его использовали ещё в древнем Египте, и назывался он, если не ошибаюсь, электрум. Как ни странно, драгоценные камни, в основном рубины, среди которых попадались весьма крупные, были совершенно тусклыми и сильного впечатления не производили. Жемчуг – тот и вовсе поблек и тоже не слишком радовал глаз. Всем этим богатством я решил распорядиться только теперь, ради моей дочери Эидис – единственного существа, которое мне по-настоящему дорого. Мне лично безразлична эта гора потускневших от времени ценностей, я не ощущаю ни малейших признаков алчности, ни особого трепета, перебирая эти плесневелые сокровища. Наверное, у меня дефицит жизненного азарта, вкуса к земным удовольствиям, которые покупаются за деньги. Я и раньше не замечал за собой меркантильности... к тому же, после всей этой череды смертей любимых мною людей душа моя будто одеревенела, утратила чувствительность. Лишь страх потерять своего ребёнка сумел расшевелить во мне какие-то человеческие эмоции. Я понял, что высшие силы дали мне в руки возможность сделать мою дочь богатой, а значит – во многом независимой и свободной. Уже только поэтому игра стоит свеч.

Глава 3

Зверь, вышедший из моря

Я, бывший корветтен-капитан¹² Кригсмарине, бывший командир U-56, чёртова счастливого У-бота по прозвищу «Чиндлер», кавалер Рыцарского креста Отто фон Шторм, ныне проклятый изгой, объявленный военным преступником за то, чего никогда не совершал: подлые убийства, расстрелы беззащитных моряков и гражданских лиц, экипажей торпедированных союзнических кораблей и судов.

Осенью 1942 года в Южной Атлантике «Чиндлер» под моим командованием потопил английский транспорт «Лакон»¹³. Эта посудина, как выяснилось позднее, перевозила прорву народа. Кроме английских солдат, – нашей законной добычи, там обретались больше тысячи гражданских, включая женщин и детей, и даже пара сотен итальянских военнопленных с их польскими конвоирами. В общем, повезло мне потопить несчастный Ноев Ковчег, где всякой твари не по паре. Только вот вместо зверей и птиц были живые беспомощные люди. В перископ я наблюдал, как сотни людей, спасая свои жизни, дерутся за места в шлюпках, видел барахтающихся в воде и тонущих пассажиров транспорта. Несколько раз я замечал искажённые смертным ужасом детские лица. Положение осложнялось тем, что дело происходило в трех сотнях миль от побережья Западной Африки, в кишачих акулами местах. Будучи немецким офицером и человеком чести, я поступил как должно – отдал приказ о всплытии и начале спасательных операций.

Вскоре «Чиндлер» был заполнен спасёнными до отказа, и даже на палубе не было свободного места. Радист по моему приказу передал в эфире на открытых частотах наши координаты и призыв ко всем находящимся поблизости кораблям и судам прибыть к месту нашего нахождения, чтобы принять на борт терпящих бедствие. Через сутки подошёл французский эсминец, направлявшийся по приказу маршала Петена¹⁴ из Гвианы в Тулон. Однако народу

---

¹² Корветтен-капитан – военно-морское звание в ВМФ Германии. Соответствует капитану 3-го ранга ВМФ России и майору в сухопутных частях.

¹³ Английский транспорт «Лакония» («Лакон») и приказ «Тритон Нуль» – войсковой транспорт «Лакония» (англ. «Laconia») следовал из Суэца в Великобританию. 12 сентября 1942-года торпедирован немецкой субмариной U-156. Командир подлодки корветтен-капитан Вернер Хартенштайн обнаружил на борту стремительно уходящей под воду «Лаконии» более тысячи итальянских военнопленных солдат-союзников. Всего на пассажирском лайнере находилось 2 789 человек – итальянцев, немцев, англичан, в том числе женщин и детей. Капитан U-156 Вернер Хартенштайн отдал невероятный в условиях войны приказ: подняться на поверхность и попытаться спасти хотя бы часть пассажиров... «Тритон Нуль» или «приказ Лакония» (нем. «Laconia-Befehl»), (англ. «Laconia order») – приказ командующего подводными силами ВМФ Германии Карла Дёница от 17 сентября 1942 года. Командирам всех субмарин запрещалось оказывать помощь пассажирам и экипажу после торпедирования их кораблей и транспортов. Предыстория: до 1942 года подлодки ВМФ Германии после атаки судов противника предпринимали (хотя далеко не всегда) меры помощи спасшимся. Это являлось необходимым действием согласно правилам ведения войны. 12 сентября 1942 года подводная лодка кригсмарине U-156 под командой корветтен-капитана Вернера Хартенштайна атаковала и потопила транспорт «Лакония». После чего оказала помощь выжившим членам экипажа и пассажирам (см. инцидент с «Лаконией»). Во время спасательной операции, в которой участвовали ещё три подлодки и два корабля (германского и итальянского флотов), лодки, имеющие на борту несколько сотен спасённых и ведущие на буксире шлюпки, были атакованы самолётами ВВС США, пилоты которых заведомо знали, что происходит. В результате атаки U-156 была повреждена, а одна из шлюпок со спасёнными была уничтожена прямым попаданием бомбы. На следующий день после повреждения U-156, то есть 17 сентября, узнавший о событиях адмирал Дёниц, командующий подводными силами ВМФ Германии, издал приказ: Запрещается предпринимать любые попытки к спасению команд потопленных кораблей и судов, то есть: вылавливать тонущих, передавать их на спасательные шлюпки, возвращать в нормальное положение перевернутые шлюпки, снабжать пострадавших провизией и водой. Спасение противоречит самому первому правилу ведения войны на море, требующему уничтожения судов противника и их команд. Приказ также касается старших помощников и главных механиков. Спасать людей только при наличии у них важной информации для лодки. Будьте непреклонны. Помните – враг не вспоминает о женщинах и детях, когда бомбит германские города.

¹⁴ Маршал Петен – Анри-Филипп Петен (1856–1951) – военный и государственный деятель; маршал Франции 1918 г., видный участник Первой мировой войны. В 1940–1944 годах возглавлял авторитарное, коллаборационистское правительство Франции, известное как режим Виши (официально – «Французское государство»).

было слишком много, и большая часть осталась на месте спасения. На следующий день к нам на помощь прибыла итальянская субмарина. Увидев соотечественников, всполошились пленные итальянцы. Они находились в двух связанных вместе шлюпках. Их, видимо по инерции, продолжали охранять польские конвоиры. Итальянцы стали бросаться за борт, чтобы доплыть до своего корабля. Поляки же принялись колоть их штыками и нескольких закололи насмерть. Пришлось лично вмешаться для предотвращения бессмысленной бойни и прокричать в рупор, что если начальник польского конвоя не уймёт своих ретивых подчинённых, то я выброшу его за борт, на радость акулам.

На третьи сутки подошли два наших У-бота и взяли часть людей к себе на борт, ещё часть пересадили на спасательные надувные плоты. И опять всё ещё много народа осталось ожидать помощи. Наступил день четвёртый. На связь вышел ещё один француз – большой военный корвет, так же направлявшийся в Тулон. Позже стало известно, что по приказу маршала Петена на дальнем рейде Тулона была затоплена большая часть французских военных кораблей, с тем, чтобы они не достались ни союзникам, ни силам Оси. К вечеру четвёртого дня появился этот проклятый американец, бомбардировщик В-24 «Либерейтор». Я приказал растянуть на палубе белое полотнище с красным крестом и просигналить проблесковой лампой о том, что мы ведём спасение союзнических солдат, а так же детей и женщин, но американца это не остановило. Этот подонок сбросил бомбы, покалечив и убив множество народа. Погибли и несчастные гражданские, и солдаты союзной им английской армии. «Либерейтор» улетел, но только для того, чтобы пополнить боекомплект и, вернувшись, продолжить своё подлое дело. Опять были жертвы; хотя американец и не был асом бомбометания, но «Чиндлер» всё-таки получил серьёзные повреждения.

Мне не оставили выбора. Пришлось высадить последние четыре сотни потерпевших на освободившиеся шлюпки и срочно уходить на погружение. Благородство – дорогое удовольствие, часто дороже жизни, но ни экипажем, ни субмариной я рисковать не имел права. После этого случая командующий Кригсмарине гросс-адмирал Дёниц под угрозой трибунала запретил всем командирам У-ботов всплывать и спасать экипажи торпедированных ими кораблей и судов. В сорок третьем наш подводный флот понёс тяжкие потери. К концу чёрного для нас года погибло 245 наших подлодок. Военная удача повернулась лицом к американцам с англичанами. Они захватили и успешно дешифровали последнюю модель «Энигмы». Приняли на вооружение и стали с успехом применять многоствольный миномёт «Хэдджок», акустические торпеды, поисковики подлодок, реагирующих на магнитное поле. Но самое главное – союзники понастроили несметную армаду военных кораблей и транспортов. Они просто давили нас численным превосходством. На каждый потопленный нами корабль они отвечали спуском со стапелей на воду четырёх новых.

Погибла большая часть моих друзей, воинов и офицеров, не понаслышке знакомых с кодексом чести немецкого военного моряка. Появились новые люди, молодые командиры. Их головы были набиты идеями национал-социализма. Понятия чести и благородства были для них всего лишь пустыми звуками, вредными архаизмами, мешавшими установлению господства избранной арийской расы. Вряд ли кто из них был трусом, в подводники такие не идут, но по моему наблюдению личная смелость нисколько не мешает человеку являться одновременно законченным мерзавцем. Большинство из нового пополнения подводников Кригсмарине, а это были исключительно добровольцы, отбирались из активных членов НСДАП. Я, разумеется, тоже был членом партии, но особо не активничал. Командиров-подводников, честно выполнявших свой воинский долг перед Германией, просто оставили в покое. Новички, которые теперь составили подавляющее большинство, общались с нами с подчёркнутым уважением и едва скрываемой снисходительностью. Так обращаются с заслуженными, выживающими из ума ветеранами, прощая им их стариковские странности вроде разговоров о чести офицера и моряка и таком смешном и нелепом понятии как благородство.

После одного или двух боевых походов с многих из молодых подводников слетала эта идеологическая шелуха. Хлебнув лиха, они становились более человечными. Порой приходилось сталкиваться с развращёнными войной индивидами, маньяками с откровенно садистскими наклонностями. Они, не стесняясь, хвастались, как после торпедирования какого-нибудь союзного корабля или судна всплывали и лично, а так же с помощью желающих поразвлечься членов экипажа, расстреливали из палубного орудия, пулемётов и автоматов беззащитных людей. Эти сучьи дети специально брали с собой в поход дополнительное стрелковое оружие и запас патронов. Особым шиком у них считалось стрельба по живым мишеням из снайперской винтовки. Часто по пьяному делу они проговаривались, что ради забавы расстреливают нейтралов, мелкие суда и даже французские рыбацкие баркасы, записывая их в корабельный журнал как неприятельские. Таких офицеров в нашей среде называли «СС-маринен». Их были считанные единицы, но по их «подвигам», как водится, судили обо всех немецких подводниках.

С одним из таких маньяков мне, к моему несчастью, не повезло близко познакомиться на нашей базе У-ботов, что располагалась в Сен-Мало в Бретани на северо-западе Франции. Я впервые столкнулся с этим офицером в Берлине, когда сам Дёниц награждал группу лучших за прошедший боевой год подводников. Его звали Гюнтер Прус. Прозвище Щелкунчик он получил ещё в училище Кригсмарине за неприятную, словно выструганную из дерева физиономию с массивной челюстью. Щелкунчик являлся «счастливым» обладателем огненно-рыжих волос и скрипучего, что твоя несмазанная дверь, голоса, плюс бесподобного по отвратительности, словно воронье карканье, смеха. Это субъект, как ни странно, кроме вышеперечисленных достоинств являлся выпускником-отличником кораблестроительного факультета, полиглотом, владеющим пятью языками, включая английский и французский. К тому же, он оказался смелым и решительным моряком. Уже в первом походе Прус, будучи всего лишь обер-лейтенантом цур зее¹⁵, заменил убитого командира и раненого старшего офицера, приняв на себя командование У-ботом. Вдобавок он умудрился потопить английский эсминец. За эти подвиги юнец был повышен в звании до капитан-лейтенанта и награждён Железным крестом 1-го класса. Вскоре Гюнтер получил под командование новенький У-бот U-266.

Перед первым своим походом в качестве командира Гюнтер, в нарушение всяческих правил и морских суеверий, распорядился переделать двойку бортового номера в шестёрку, чтобы получилось библейское «Число зверя»¹⁶. По его заказу лучший художник и татуировщик из моряков базы намалевал на рубке субмарины эмблему корабля. Из-под его кисти вышла довольно жуткая картина в багровых тонах. Дикого вида семиглавое и рогатое чудище Апокалипсиса. Наш новый Иеронимус¹⁷ гордо поименовал свой шедевр: «Зверь, вышедший из моря».

U-666 вернулся из Северной Атлантики на базу через три месяца, потопив около десятка судов и кораблей английского транспорта, шедших с грузом оружия и продовольствия для русских. Щелкунчик получил Железный крест 1-го класса и новое уважительное прозвище для своего доблестного корабля – «Дракон Апокалипсиса»¹⁸. Молодые подводники смотрели на него с обожанием, как на героя, коим он де факто и являлся. Когда Прус своим скрипучим голосом рассказывал о своих «гуманитарных акциях», его поклонники восхищённо внимали ему.

¹⁵ Обер-лейтенант цур зее – старший лейтенант ВМФ Германии.

¹⁶ «Число зверя» – особое число, упоминаемое в Библии, под которым скрыто имя апокалиптического зверя. Число зверя равно 666.

¹⁷ Иеронимус – имеется в виду Иероним Босх, Иерон ван Акен (1450–1516) Hieronymus Bosch – выдающийся нидерландский живописец, причудливо соединивший в своих картинах черты средневековой фантастики, фольклора, философской притчи и сатиры. Один из основоположников пейзажной и жанровой живописи в Европе.

¹⁸ «Дракон Апокалипсиса» – Зверь Апокалипсиса – персонаж Книги Откровений в Библии. Всего в книге Откровений упоминаются два зверя. Один из них выходит из моря, имеет 7 голов и 10 рогов.

«Гуманитарные акции» заключались в следующем: Гюнтер всплывал на своём U-666 посреди обломков разлитого на волнах дизельного топлива и десятков спасательных шлюпок и плотиков, заполненных людьми. Из палубного зенитного пулемёта он лично расстреливал несчастных. «Гуманитарными» он свои действия называл, видите ли, потому, что оставь он в живых моряков с потопленных им судов – и большинство из них умрёт, так и не дождавшись помощи. Умрёт посреди ледяных вод Северной Атлантики, медленной мучительной смертью от переохлаждения. Он же, «гуманист», дарил им быструю смерть от сотен крупнокалиберных пулемётных пуль, используя их в качестве мезерекордий¹⁹ – «кинжалов милосердия». В его словах была какая-то сатанинская, нечеловеческая логика.

Ещё он любил весело, подробно и со вкусом порассказать, что частенько перед расстрелом пускался в задушевные разговоры со своими будущими жертвами, знакомился с ними, расспрашивая о детях и жёнах. Однажды, когда этот психопат в нашем загородном клубе офицеров-подводников, в окружении молодых поклонников принялся разглагольствовать подобным образом, мне, на свою беду, приключилось оказаться неподалёку. Надо сказать, что все моряки тогда крепко выпили, и я не был исключением. Послушав некоторое время рассказы этого негодяя, я не выдержал и, оставив свою компанию, подошёл к столику этого «Дракона Апокалипсиса». Не говоря ни слова, я отправил в нокаут самого Щелкунчика и нескольких его приятелей, попытавшихся прийти к нему на помощь. Драки в клубе подводников редкостью не были. Вымотанные в походах кригсмаринеры частенько «выпускали пары» подобным образом. Но в нашей стычке с Прусом было нечто особое. Драка между двумя героями, командирами «счастливых» У-ботов – это уже не банальная пьяная потасовка. Состоялся суд офицерской чести (пережиток прошлого), который решил, что рыжий бес подвергся ничем не спровоцированной агрессии с моей стороны, а значит, имеет право на сатисфакцию. Извиняться я отказался, дуэли же в военное время запрещены. Хотя этот запрет тайно и в исключительных случаях нарушался. Гюнтер при всех заявил, что своим правом на удовлетворение он непременно воспользуется и, взглянув мне прямо в глаза, с кривой улыбкой добавил: «Всему своё время, милый граф. Всему своё время...»

---

¹⁹ Мезерекордия – «кинжал милосердия» (фр. misericorde – «милосердие, пощада») – кинжал с узким трёхгранным либо ромбовидным сечением для проникновения между сочленениями рыцарских доспехов, использовался для добивания поверженного противника, иными словами – для быстрого избавления его от смертных мук и агонии.

Глава 4

Ариец и бретонка

С Верой я познакомился на воскресном книжном развале в Сен-Мало. Заправлял этим книжным Эдемом тощий пожилой бретонец, предводитель местных библиофилов. Порт Сен-Мало – старинный французский городок, древняя крепость, построенная на высоком холме, с моря напоминающий остроконечную шапку великана, забытую им на берегу Ла-Манша. Я с детства свободно говорю по-французски, практически без акцента, точнее – с лёгким эльзасским акцентом, поскольку моя няня была родом именно оттуда. Практичные мои родители решили извлечь из этого факта пользу. За небольшую прибавку к жалованию няни стала ещё и гувернанткой, общаясь со мной исключительно по-французски. Ей это было нетрудно, поскольку её мама была эльзасской француженкой. Чтобы не мозолить глаза местным жителям формой немецкого военного моряка, посещая город, я чаще всего переодевался в штатское. Естественно, особой любви они к нам не испытывали и хоть и разговаривали подчёркнуто вежливо, но лишь по мере необходимости. Мне сразу понравилась невысокая, хрупкая девушка с каштановой длинной косой и тонкими чертами лица. Тяжеловатые круглые очки в роговой оправе лишь придавали её облику какую-то трогательную незащищённость.

Вера бережно перелистывала большой фолиант, по виду старинный, в тиснёном кожаном переплёте с маленьким бронзовым замком. Я подошёл поближе и увидел, что это роскошное издание 1865 года, Мигель де Сервантес «Хитроумный идальго дон Кихот Ламанчский», украшенное к тому же бесподобными гравюрами самого Доре. Ясно, что это чудо не могло быть по карману бедно одетой молоденькой девушке. Мы разговорились, и я блеснул своими познаниями завязтого книголюба, коим по факту и являлся. Почувствовав азарт от присутствия хорошенькой француженки, я изящно острил в русле историко-библиофильских вариаций. Вера, как и я, оказалась фанатичным книголюбом, у неё заблестели глаза от разговоров на любимую тему. Постепенно мы перешли на «ты», и уже вскоре угощались свежими пирожными в маленькой уютной кондитерской. Крупная купюра заметно оживила хозяина заведения, и он приготовил для нас настоящий отменный кофе, – контрабандный товар и большую редкость по военному времени. Мне пришлось представиться девушке предпринимателем из Страсбурга, естественно, французом. Назвался я первым пришедшим на ум гальским именем Эдмон. Наверное, вспомнился главный герой всеми любимого романа Дюма. Вера, легко проследив ход моих мыслей, с улыбкой сказала, что готова угадать и мою фамилию.

– Ты Эдмон Дантес, молодой капитан, будущий граф Монте-Кристо, – с очаровательным смехом заявила она и словно напроорочила...

Моя Вера была большой умницей, она всегда обо всём догадывалась сама. Таиться перед ней совершенно не имело смысла. В следующее воскресенье я опять появился на книжном развале и Вера, конечно, тоже была там. Она увлечённо беседовала с хозяином этого книжного царства, старым бретонцем в сером большом берете, одетом набекрень. Неделию назад, распрощавшись с Верой у дверей старого многоквартирного дома с облупившимися стенами, я немедленно отправился на площадь в надежде застать книжную лавку открытой. Мне повезло. Хозяин уже нагрузил своим богатством большую деревянную повозку с высокими бортами.

В повозку был запряжён пожилой, не моложе хозяина, ослик. Его седая чёлка была аккуратно расчёсана на две стороны. Увидев меня, ослик тяжело вздохнул, словно намереваясь по-стариковски проворчать: «Вечер уже, домой пора, а они всё ходят и ходят...»

Я извинился перед обоими стариками и объяснил, что желаю сделать дорогую покупку, приобрести тот самый роскошный старинный фолиант, который в момент нашей первой встречи так любовно перелистывала Вера. Бретонец пристально посмотрел на меня и без особого радушия пробурчал:

– Господин думает, что он самый богатый? Этот экземпляр Дон Кихота, с гравюрами бесподобного Доре, уникальная антикварная вещь. Её место в музее. Я держу это книгу много лет как лицо своего магазина, она постоянно при мне как старинный талисман. Впрочем, в этом мире всё продаётся, и если вам так уж неймётся, то вот вам моя цена...

И старик назвал какую-то безумную сумму в оккупационных²⁰ рейхсмарках. На эти деньги можно было купить в этих местах небольшой уютный домик и даже с садиком.

Словно фокусник, достал я из внутреннего кармана пиджака свой пухлый, набитый крупными купюрами, бумажник. Это было моё офицерское жалование со всеми надбавками за последние четыре месяца, проведённых в боевом походе в Северной Атлантике. Старик, увидев деньги, стянул с головы серый берет и вытер им своё внезапно вспотевшее, несмотря на прохладный вечер, лицо.

– Господин изволит шутить над стариком? – осведомился он севшим от волнения голосом. – Кому в наше время нужны книги, да ещё за такие безумные деньги?

Я отсчитал и передал в дрожащие морщинистые руки большую часть имевшейся у меня наличности. Букинист, покраснев от возбуждения, принялся лихорадочно разгружать повозку и, наконец, извлёк тяжёлый фолиант. Глаза его увлажнились, он нежно погладил тиснённую обложку телячьей кожи и даже поцеловал, словно прощаясь с дорогим другом, профиль Сервантеса.

– Хотелось бы преподнести эту книгу одной юной очаровательной особе как подарок, – пояснил я, принимая, словно младенца на руки, любовно запелёнатый стариком в светлую фланель покупку. – Возможно, вы знаете ту милую девушку, что была возле вашего прилавка сегодня днём. Её зовут Вера.

Бретонец просиял:

– Ну это же всё объясняет – дела сердечные! Настоящему чувству ничто не помеха, ни война, ни глад и мор, ни конец света! Кстати, в Сен-Мало меня все зовут папаша Гвенель. Конечно же, я знаком с Верой, ведь она моя постоянная клиентка. Бедняжка тратит на книги добрую часть своих скудных доходов. Она работает секретарём у местного нотариуса, приходящегося ей дальним родственником. В моего... пардон, теперь – вашего Дон Кихота девушка просто влюблена, так что с подарком вы попали прямо в яблочко. Мсье на правильном пути...

Я поклонился, поблагодарив за добрые слова, и ещё более доверительно продолжил:

– Извините, что сразу не представился. Меня зовут Эдмон. Я коммерсант из Лотарингии. У меня к вам большая просьба. Если вас не затруднит, вручите это моё приобретение адресату и пожалуйста, не говорите Вере, что это мой дар.

Папаша Гвенель торжественно принял фолиант обратно и величаво заявил:

– Мсье Эдмон может положиться на старика Гвенеля. Моё имя переводится с бретонского как «благородный».

Мы были отчаянно счастливы с моей Верой целый месяц, и я благодарен за это судьбе, ведь у большинства людей на нашей печальной планете не наберётся за всю жизнь и одного дня такого чуда. Как-то после дневной любви, положив свою милую головку мне на грудь, моя девушка не спросила, а заявила вполне уверенно:

– Нет, милый, ты вовсе не француз и совсем не Эдмон. Ты и не эльзасец. В тебе видна порода... и порода многовековая. По-моему, ты немец, причём не из простой семьи.

Мне ничего не оставалось, как открыть Вере всю правду. Я и сам стал тяготиться своей легендой и в оправдание привёл лишь довод о том, что француженке, пусть даже бретонке,

---

²⁰ Оккупационная рейхсмарка (1940–1945) – в большинстве оккупированных стран за национальной валютой была сохранена платёжная сила. Курс военной марки по отношению к местной валюте всегда устанавливался оккупантами на уровне, значительно превышавшем паритет покупательной силы сопоставляемых валют: официальный курс военной марки во Франции в декабре 1941 года = 20 французских франков.

весьма не просто и даже опасно встречаться с немцем. Слишком велик шанс получить от земляков несмываемое клеймо «бошевской подстилки»...

Вера с печалью, но была вынуждена со мной согласиться:

– Наверное, я плохая патриотка Франции, если позволила себе влюбиться во врага-оккупанта.

Потом я на три месяца ушёл в боевой поход на своём «Чендлере» и когда вернулся, то узнал, что меньше, чем через пять месяцев стану отцом.

«Моя любимая должна стать моей женой, а мой ребёнок будет законнорождённым», – твёрдо решил я. Мы с Верой католики по рождению и потому обратились к священнику из небольшой церкви на побережье. Узнав, что я немецкий морской офицер, святой отец не на шутку перепугался, но его смелость была подкреплена крупным пожертвованием, и он дал согласие на венчание. Настоятель церкви, тем не менее, выдвинул обязательное условие – письменное разрешение моего начальства. Я раздражённо спросил, должно ли оно быть обязательно на латыни.

– Можно и по-немецки, – смиренно ответил святоша, – но подпись и печать обязательно. Сказано в Евангелии: «Нет для Господа ни эллина, ни иудея...» – В этом месте цитирования писания святой отец осёкся. – Но это после смерти телесной, а при жизни с документом спокойнее.

Командир нашей флотилии фон Рей был человеком умным и порядочным и выдал нужную бумагу без лишних вопросов, лишь проворчав напоследок:

– Надеюсь, Отто, вы понимаете, что делаете? Впрочем, я не намерен вмешиваться в ваши сугубо личные дела... – И с кривой усмешкой добавил: – Хорошо ещё, что ваша избранница бретонка, а не француженка. Для наших идейных бюрократов кровь бретонцев всё таки ближе к арийской, чем у испорченных цыганами и евреями галлов.

Вскоре мы обвенчались, и я задумался о том, чтобы увести молодую жену куда-нибудь в более спокойные места, подальше от войны и французского сопротивления: например, в Тирольские Альпы к горному воздуху и парному молоку. Там доживала свой век моя престарелая двоюродная тётушка. В день венчания Вера преподнесла мне ценный подарок. С помощью папаши Гвенеля она раздобыла геральдический сборник 18-го века, в котором кроме готического текста на старогерманском были изображены в цвете гербы самых древних родов Германии и Пруссии. Среди старинных изображений зверей, птиц и корон нашёлся и родовой герб фон Штормов, учреждённый ещё в 13-ом веке. На рисунке красовалась высовывающаяся из-за кудрявых облаков круглая, довольно забавная физиономия. Щёки этого господина были так надуты, что напоминали животы беременных на последнем месяце женщин. Мясистые губы, сложенные трубочкой, исторгали мощную струю нарисованного воздуха. Этому разгулу Эола – эллинского бога ветров – как бы препятствовала могучая мужская рука в железной рыцарской перчатке, украшенной тевтонским рыцарским крестом. Всё это аляповатое великолепие, увитое пурпурно-чёрными лентами, венчала наша родовая корона маркграфов. Я, с любопытством разглядывая эту картинку, вдруг понял, насколько моя семья была далека от сословного тщеславия. Ведь я вижу герб своих предков впервые.

По понятным причинам мы не стали устраивать свадебный банкет. Представляю, как бы оригинально смотрелся этот праздник франко-немецкой дружбы, если бы на него явились мои приятели-сослуживцы в парадной форме германских Кригсмарине, а со стороны невесты – местные негромкие патриоты униженной Франции. Поборники расовой чистоты в Рейхе захлебнулись бы своей арийской слюной от негодования. Как же, герой-подводник, кавалер рыцарского креста, ариец с тевтонскими корнями – и вдруг женится не на немке! О реакции

французских партизан-маки²¹, обитающих, по слухам, в горных районах Бретани, я даже не хотел гадать. Во всяком случае, пить с ними сидр²² я точно не собирался.

На второй день после венчания я получил новое боевое задание и, отшвартовавшись со своим стариной «Чиндлером» от бетонного причала базы, отправился в холодные воды Северо-Восточной Атлантики. Там моей работой была охота на суда и корабли англо-американцев, идущих с оружием и продовольствием на Восток, в Россию. Корабли охранения союзников становились всё более опасными для нас. Они быстро учились приёмам борьбы с нашими боевыми субмаринами, применяя новейшее вооружение. Глубинные бомбы всё чаще поражали цели, и мы из охотников всё чаще превращались в добычу. Я ни за что не смог бы догадаться, что беда будет подстерегать меня не на войне, а в тихом, ещё не затронутом английскими бомбардировками старинном бретонском городке Сен-Мало...

Имена своих врагов мы помним лучше имён друзей. Капитан-лейтенант Гюнтер Прус по прозвищу Щелкунчик. Бесстрашный, удачливый командир U-266 и патологический садист и мерзавец. Это он, вопреки всем правилам и суевериям, менял на время похода двойку бортового номера своего У-бота на шестёрку. Это ему я в кровь разбил физиономию в офицерском клубе, не выдержав его мерзких, хвастливых рассказов. Слишком уж живописно повествовал негодяй, как, всплыв после удачного торпедирования, он душевно беседовал с высадившимися на плоты и шлюпки моряками. После чего лично расстреливал их из палубного пулемёта. Это его субмарина с намалёванным на рубке багровым Зверем Апокалипсиса входила на базу как раз в тот день, что я покидал её...

---

²¹ Партизаны-маки (фр. Maquis) – часть Движения Сопротивления во Франции нацистским оккупационным войскам во время Второй мировой войны. Действовали в горных районах Бретани и южной Франции. Сначала представлявшие собой небольшие разрозненные группы, близкие к бандам, позднее они приняли активное участие во Французском Сопротивлении.

²² Сидр (фр. Cidre) – слабоалкогольный напиток, как правило шампанизированный, получаемый путём сбраживания яблочного, реже грушевого или другого фруктового сока без добавления дрожжей. Имеет золотистый либо зеленоватый цвет и запах яблок. По содержанию сахара – от сухого до сладкого. Наиболее качественные сидры производят во Франции, в регионах Нормандия и Бретань.

Глава 5

Визит сослуживцев

Я должен был это сделать... После посещения мною могилы Веры прошло трое суток. Эти дни выпали из моей памяти, как и не было. Парни из экипажа после рассказывали мне, что я лежал одетый на застеленной койке в своей маленькой командирской каюте на «Чендлере» и ни на что не реагировал. Ко мне несколько раз обращались с вопросами, но не получив ответа оставили в покое. На вторые сутки, поняв, что дело серьёзное, вызвали медика. Врач заподозрил нервное расстройство, что среди подводников, даже отобранных из здоровяков-добровольцев с устойчивой психикой, нет-нет да случалось. Командир флотилии, не на шутку обеспокоенный состоянием одного из своих лучших командиров, вызвал «мозгоправа». Тот явился, осмотрел больного и флегматично поставил диагноз: «Нервный ступор, результат нервного переутомления в боевом походе. Также может быть следствием сильного, внезапного эмоционального переживания».

Психиатр рекомендовал перевезти меня на недельку-другую в комфортабельную клинику с опытным, заботливым персоналом, но мой экипаж встал на дыбы: «Командира в “Жёлтый дом”?!» Ребята вызвались сами привести меня в порядок. Врач, пожав пухлыми плечами под белым халатом, не стал настаивать на переводе в стационар. Он молча достал шприц из блестящей металлической коробочки и уколол меня какой-то дрянью. Затем подозвал фельдшера и, оставив ему под роспись с десятков ампул для инъекций вместе с ценными указаниями, с достоинством удалился. Мои парни колоть меня не позволили, а принялись почти насильно вливать в меня крепкие мясные бульоны. Главным же лекарством было настоящее, с послевкусием мускуса и чёрной смородины, венозно-красное бургундское. Скорее всего, это народное средство и поставило меня на ноги. К концу недели я уже мог принимать решения.

Я не стал переодеваться в штатское, не видел более в этом смысла. Не собирался я проявлять деликатность по отношению к людям, которые не смогли, а скорее всего не захотели уберечь от беды мою беременную жену. В моём облике, видимо, было нечто такое, что заставляло всех встречных французов бледнеть и съеживаться. Старуха-соседка, консьержка, частенько забегавшая к Вере поболтать вечером, а после моего появления и подкормится, чуть было от страха не упала в обморок при моём появлении. Из-за чёрного флотского кителя перепуганная пожилая женщина сослепу приняла меня за эсэсовца или гестаповца, но услышав мой голос и французскую речь, она, наконец, узнала меня и немного успокоилась. Я своим ключом открыл дверь в квартиру Веры и пригласил мадам Жюли, так её звали, войти. Затем достал из буфета початую бутылку коньяка и налил изрядную рюмку всё ещё робеющей старухе. Коньяк был отменный и через пару минут, порозовев и поминутно прикладывая к глазам несвежее кухонное полотенце, консьержка выкладывала всё что знала, видела и слышала.

Прошла примерно неделя с того дня, как я ушёл в очередной боевой поход в Северную Атлантику, когда произошло это... Собственно, ничего экстраординарного не произошло. Моей жене просто нанесли визит, вполне себе невинное действо. Эта была группа моих сослуживцев по флотилии, все офицеры, человек семь. Все при кортиках, в парадной форме германских военно-морских сил. Старшим был невысокий капитан-лейтенант. В отличие от своих товарищей, – мадам Жюли, как ни странно, разбиралась в знаках различия офицеров Кригсмарине, – он был облачён в береговую походную форму, чёрная каска, пистолет в кобуре, сигнальный свисток на аксельбанте, бриджи и до зеркального блеска надраенные высокие сапоги. В руках этот щёголь держал пышный букет из жёлтых и алых хризантем. Время было предвечернее и весь дом, все соседи Веры чуть ли не вываливались из окон, разглядывая входящую в подъезд живописную группу. Вся дальнейшая мизансцена разыгрывалась на лестничной пло-

щадке, месте с прекрасной акустикой. Моя жена открыла дверь и, несмотря на мертвенно-бледное лицо, разговаривала с неожиданными гостями ровным, спокойным голосом. Предводитель визитёров, имевший резкий, неприятно-скрипучий голос, представился как мой близкий приятель и сослуживец. Он говорил на блестящем французском, почти без малейшего акцента. Офицер с сожалением сетовал на то, что пропустил столь значимое событие как женитьбу товарища на такой очаровательной девушке. Вручив Вере роскошный букет, он изысканно поздравил мою молодую жену, ввернув несколько стихотворных строк из Рембо:

«Источник нежности и жизни, Солнце властно
Льёт жаркую любовь на грудь земли прекрасной...
Она, как женщина, сотворена из плоти,
как Бог, полна любви; и соками полна,
таит кишение зародышей она».

Закончив свою мелодекламацию, офицер возложил ладонь на уже заметно выдающийся живот Веры. Моя жена инстинктивно отпрянула, а гости, как ни в чём не бывало, решили откланяться. Попрощались они тоже самым экстравагантным образом. Капитан-лейтенант в чёрной каске и бриджах вскинул руку в нацистском приветствии:

– Да здравствует храбрый герой Рейха корветтен-капитан Отто фон Шторм! Да здравствует его славное потомство! Да здравствует победа!

Семь лужёных глоток проревели на весь дом:

– Зиг хайль! Зиг хайль! Зиг хайль!

Утром следующего дня дверь в нашу квартиру была густо измазана экскрементами. Поверх отходов своей патриотической жизнедеятельности неизвестные прилепили листок из школьной тетради, исписанный большими печатными буквами: «Сдохни, бошевская подстилка!» – и чуть ниже корявая дописка: «Вместе со своим недоноском!»

Мадам Жюли горестно покачала седой головой:

– О мсье Эдмон, мсье Эдмон! – И, спохватившись, прижала руку к дряблой груди: – Ах, простите, господин офицер!

Я безнадёжно махнул рукой:

– Что уж теперь, называйте, как привыкли... – И налил ей ещё коньяку. Старуха выпила вторую рюмку по-крестьянски, как и в первый раз – залпом.

– На свете слишком много подлости, вот что я вам скажу, господин офицер Эдмон... Как морского песка в треснутой устричной раковине. До этого дня все любили малышку Веру, она всегда всех очаровывала своими ласковыми глазами. Но тут, мсье офицер, все, все знакомые разом отвернулись от неё. Шипели в спину разные гадости, мальчишки исподтишка кидали в неё разную дрянь, стоило ей отвернуться. В глаза ей, разумеется, никто ничего не говорил. Продавцы в лавках просто смотрели сквозь неё, будто она стеклянная, а когда она обращалась к ним, внезапно ещё и заболевали глухотой. Так продолжалось около месяца. Последнюю неделю она перестала выходить из дома. Я приносила ей продукты, но она к ним не прикасалась, такая тоска её одолевала. Вы думаете, герр Эдмон, что до этого шумного визита ваших сослуживцев кто-нибудь из знакомых Веры не знал, что она вышла замуж за немецкого офицера? Все знали! Это не тайна исповеди, и венчавший вас святой отец не был обязан свято хранить её. Но все делали вид, что не знают, пока не заявили ваши коллеги. Просто тайное стало явным, а этого люди не прощают. Как говорил мой покойный папа: «Нельзя будить спящую собаку! Кради, но не попадайся! Прелюбодействуй, но не дай уличить себя! Лги, но делай это красиво!» И ещё он говорил: «Люди простят всё, кроме голой правды. В нашем ханжеском мире так заведено от века». Однажды малышка Вера не открыла мне дверь, и я воспользовалась запасным ключом, чтобы войти. Бедняжка лежала на полу без сознания. В оконном стекле зияла большая дыра,

на полу валялась окровавленная тряпка, а в ней камень и пропавший накануне, убитый двухнедельный котёнок Веры. Какие-то мерзавцы оторвали ему голову, да так, что наружу торчали белые нитки сухожилий. Ещё там была скомканная записка: «Рожай скорее, проклятая сука!» Я вызвала врачей, её увезли в больницу, а через два дня она умерла... как сказали – от анемии.

Старушка закрыла лицо морщинистыми, в голубых вздувшихся венах руками и принялась тихо всхлипывать, а я ушёл, не затворив дверей. Ушёл прочь из этого места, где был когда-то счастлив. Или мне всё это приснилось?

Глава 6

Живые талисманы gross-адмирала

Я собирался не просто убить, я хотел уничтожить этого мерзавца! Вот только не было у меня талантов, необходимых для изощрённой мести – Бог не дал. Зато у моего врага подобных дарований было в избытке. Впервые довелось мне встретиться с Гюнтом Прусом ещё год назад. Произошло это в Берлине на церемонии награждения лучших командиров U-ботов Кригсмарине. Два десятка моряков, героев Рейха награждал Рыцарскими и Железными крестами не кто-нибудь, а сам gross-адмирал Дёниц²³. Перископ, так прозвали моряки Дёница за долговязость, длинную шею и маленькую голову, вручил мне Дубовые листья к Рыцарскому кресту. После церемонии, во время праздничного фуршета с шампанским, gross-адмирал удостоил меня личной короткой беседой. Его, как опытного подводника, интересовали особенности скрытных действий подводных лодок в удалённых районах. В какой-то момент Дёниц неожиданно прервал беседу и подозвал находившегося неподалёку небольшого роста рыжего оберлейтенанта цур зее²⁴. Его по-юношески тощую шею, обтянутую накрахмаленным белоснежным воротником, украшал новенький Железный крест²⁵ первого класса на чёрно-белой орденской ленте.

У обера было неприятное, с грубыми чертами лицо и непропорционально тяжёлый подбородок. Командующий представил нас друг другу, и мы обменялись рукопожатием. Несколько минут Дёниц расхваливал молодого офицера, живописуя его ратные подвиги. О том, как юный лейтенант цур зее Гюнтер Прус в бою отважно принял на себя командование U-ботом, заменив убитого командира и раненого старшего офицера. Мало того, Гюнт в том сражении ещё и умудрился торпедировать вражеский корабль. За этот подвиг Прус был награждён «Железным крестом» второго класса, а уже через пару месяцев, будучи самым молодым из командиров U-ботов во всём Кригсмарине, в своём первом боевом походе потопил девять. «Вы слышите, господа, – Дёниц повысил голос, обращаясь ко всем собравшимся, – девять вражеских кораблей и судов!»

Перископ доверительно поведал мне, что если чутьё его не подводит, то перед нами стоит будущий адмирал, надежда и гордость Рейха и фюрера. Чёрт его ведаёт, возможно, шампанское тогда ударило в gross-адмиральскую миниатюрную голову. Дёниц, поставив пустой бокал на поднос официанта, возложил на наши плечи руки с отливающим золотом шевронами на обшлагах кителя, и торжественно заявил:

– Я хочу, чтобы вы, два доблестных моряка, герои Рейха, стали настоящими преданными друзьями. А вы, Отто, как старший товарищ, должны стать наставником Гюнта. Я верю, что ваш опыт, ваше боевое мастерство поможет нашему молодому герою стать настоящим матёрым вожаком одной из самых удачливых «волчьих стай»

Северной Атлантики! – как и подобает, торжественно закончил он свой спич.

Подняв новый бокал трофейного «Дом Периньона»²⁶, командующий германским подводным флотом провозгласил: «Господа, Фатерлянд ждёт от вас новых подвигов. На вас смотрит великая Германия, на вас смотрит сам фюрер!»

---

²³ Gross-адмирал Карл Дёниц – в 1891–1980 Командующий подводным флотом (1935–1943), главнокомандующий военноморским флотом нацистской Германии (1943–1945), глава государства и главнокомандующий с 30 апреля по 23 мая 1945 года.

²⁴ Лейтенант цур зее – лейтенант военно-морского флота Германии.

²⁵ «Железный крест» – («Eisernes Kreuz» /«ЕК»/) прусская и немецкая военная награда. Учреждён в 1813 году за войну с Наполеоном. Орден вручался всем категориям военнослужащих вне зависимости от ранга или сословия. Награждение орденом происходило последовательно от низшей степени к высшей. Возобновлялся с каждой новой войной.

²⁶ «Dom Perignon» (рус. «Дом Периньон») – марка шампанского премиум-класса крупного французского производителя Moët et Chandon. Названа в честь монаха-бенедиктинца Пьера Периньона, изобретшего метод шампанизации игристых вин.

Вскоре свежий кавалер Железного креста первой степени и новоиспечённый капитан-лейтенант Гюнтер Прус был переведён в Сен-Мало в нашу флотилию У-ботов. Я честно попытался выполнить пожелания уважаемого мной Перископа. Пригласив Пруса к себе на лодку, я предложил дать ему несколько уроков по теории боевого маневрирования и приёмам ухода от серий глубинных бомб. Я делал над собой усилие, когда старался быть любезным в разговоре с Гюнтером. Этот человек с самого начала не нравился мне. Хотя надо отдать ему должное, Прус был кем угодно, но только не дураком и не трусом. Выслушав моё вежливое предложение, он ухмыльнулся в своей вызывающей манере и, по-волчьи показав левый клык, заметил:

– Знаете, Отто, у меня своя тактика в бою. Плевать я хотел на все высоколбые теории с их алгебраической абракадаброй. Формулы нужны, когда работаешь в тиши кабинета. Я жонглировал интегралами, когда занимался кораблестроением. Когда же я выхожу в море, у меня отрастают жабры. Я превращаюсь в самое поразительное и прекрасное творение океана – большую хищную акулу. Как это? Да вот так! Просто я и моя лодка с командой становимся одним целым. Я голова с жадной пастью. Мои люди и послушное им железо У-бота – всё повинуются импульсам моего разума, древнего сознания морской рептилии. Сознание это кричит, орёт и требует лишь одного: «Жрать!» Я не жертва, а охотник, и мне некогда совершать сложные маневры. Ведь если я не сожру кого-нибудь в ближайшее время, то моё нутро начнёт переваривать самоё себя. И знаете, Отто, я всегда нахожу себе еду. Я удачливая акула. Я всегда буду жрать и расти! Расти и жрать! – И Гюнт Прус зашёлся своим фирменным скрипучим смехом.

Наверное, если бы акулы и крокодилы умели смеяться, то делали бы это именно таким бесподобным по выразительности манером.

Тот день, когда я узнал, что подлодка Пруса U-666 вечером возвращается на базу, я помню плохо. Меня одолевала нервная лихорадка. Солёная, с железным привкусом крови ненависть затопила душу, как отсек субмарины с безнадёжной пробойной, а здравый рассудок захлебнулся в этой зоне смерти, не успев побороться за живучесть. Я вошёл в помещение клуба подводников, прямо в зал, не снимая плаща. Сознание будто расщепилось, и какая-то его часть наблюдала за всем происходящим со стороны. Капли дождевой воды стекали по чёрной коже моего командирского реглана. Гюнт, уже порядком набравшийся, сидел, словно голливудская кинозвезда, в окружении поклонников из числа молодых офицеров, а также уютно примостившихся у них на коленях клубных шлюх. Судя по взрывам молодецкого хохота и женским визгам, этой компании было весело. Когда я приблизился к ним, смех и визги мгновенно стихли, и уже во всём переполненном зале наступил тот род тишины, который пошло именуют зловещим. Вынув из кармана плаща свой девятимиллиметровый маузер, я с силой вдавил его дуло в усыпанный рыжими веснушками лоб. В отличие от всех окружающих, которые превратились в снежноликие изваяния, Гюнт в лице совершенно не изменился.

– Ну что же вы, граф? – чуть ли не сдерживая зевоту, лениво процедил он сквозь зубы с зажатой в них папирсой. – Решили стрелять, так стреляйте. Он вынул изо рта погасший окурок и левой рукой раздавил его в пепельнице. Дуло моего маузера по-прежнему было плотно прижато к его лбу, однако это не помешало Гюнтеру закончить свою, возможно, последнюю тираду: – Только учтите, дорогой корветтен-капитан²⁷. Выглядеть после такого выстрела вы будете, как бестолковый помощник мясника. Весь с ног до головы в крови и мозгах. Мне-то, конечно, всё равно, но моим приятелям вряд ли этот пурпурный фейерверк придётся по вкусу.

Я всегда имел богатое воображение, оно, наверно, и помешало мне в те минуты. Я замешкался, представив воочию ярко-отвратительный натюрморт на крови. Один из сидящих ближе других друзей Пруса, стряхнув оцепенение, начал действовать. Он внезапным, точным ударом снизу выбил из моей руки пистолет. Тот по параболе улетел куда-то назад и, со звоном разбив

²⁷ Корветтен-капитан – капитан третьего ранга военно-морского флота Германии.

что-то стеклянное, грохнулся на ближайший столик. Всё-таки меня с Прусом окружали боевые офицеры, а не беспомощные «шпаки».

Меня скрутили и передали дежурному патрулю. Утром ко мне на гауптвахту прибыл сам командир флотилии капитан цур зее²⁸ Клаус фон Рэй. Ветеран-подводник первой мировой и близкий друг моего крёстного отца легендарного Отто Виддегена. Естественно, с фон Реем нас связывали особые отношения. Как всякий хороший командир, Клаус знал о своих подчинённых почти всё. Особенно о таких подчинённых, как мы с Прусом. После той знаменитой «драки героев», случившейся в клубе почти год назад, он старался не упускать нашу «сладкую» парочку из виду. По крайней мере, делал всё возможное, только бы фон Шторм и Прус как можно меньше встречались на базе. Кстати, и на этот раз я должен был уйти в поход за пару дней до возвращения «Драконе Апокалипсиса». Однако, как это бывает не только в мелодрамах, вмешался злой рок, а точнее – две банальных хвори: острый аппендицит и не менее острая гонорея. Первая внезапно свалила нашего здоровяка, старшего механика, а вторая прихватила за самое дорогое радиста-акустика, с которым я ходил на «Чиндлере» уже почти два года. Так что, пока в мой экипаж подбирали замену, нам с Гюнтом-Драконом поневоле пришлось сидеться.

Капитан цур зее вошел в арестантскую комнату гарнизонной гауптвахты и приказал мне, вытянувшемуся во фрунт, сесть. Сам тоже уселся на привинченную к полу круглую табуретку. Клаус снял с лысеющей седой головы фуражку и положил её на кровать. Покачал крючковатым, как клюв старого альбатроса, сизым в красных прожилках носом и ворчливо заявил:

– Все неприятности всегда случаются из-за баб.

Я, было, вскинулся, чтобы возразить ему, но фон Рей с сердитой безнадёжностью махнул рукой:

– Да знаю, знаю. Прус, конечно, редкостная сволочь... Так витиевато отомстить товарищу за разбитую в пьяной драке физиономию, это надо уметь. Я уже подписал приказ о его переводе на другой конец континента. Рисковать вами обоими я не собираюсь. Ты хоть знаешь, мститель, что сам гросс-адмирал, командующий, интересуется вами обоими чуть ли не каждый месяц. Влюбился в вас Дёниц, что ли? Так прямо и говорит: «Отто и Гюнт – это мои живые талисманы. Приходя из каждого боевого похода, они приносят с собой победные сводки с просторов Атлантики. Мне, по крайней мере, не стыдно показаться иной раз на глаза фюреру. Вести с Востока пока что мало радуют».

Командир положил мне руку на колено, уставившись на меня выпуклыми блёкло голубыми глазами:

– Отто, я хочу помочь тебе. Именно тебе, а не этому отпетому Дракону. У этого красавца в помощниках не иначе, как сам сатана. Вас двоих поместят в специальную камеру с прочной перегородкой и прекрасной звукопроницаемостью. Метод мной запатентован и многажды испробован. Он реально работает. Тебе надо выговориться, Отто. Выскажи Прусу всё, что накопилось, всё, что ты о нём думаешь. После ты его больше никогда не увидишь, а тебе станет легче.

Командир флотилии встал, надел фуражку и, повернувшись к забранному решёткой окну, твёрдым голосом закончил:

– Идёт война, корветтен-капитан. Довольно сантиментов, пора за работу.

...Командующему флотилией Клаусу фон Рэю пришлось изрядно извернуться, чтобы найти повод арестовать и препроводить на гауптвахту одного из лучших командиров флотилии, любимца самого Дёница – Гюнтера Пруса. Во всяком случае, фон Рэй такой повод нашёл и арестовал Щелкунчика на двое суток. Причиной ареста стало отсутствие капитан-лейтенанта на борту во время проверки торпедных аппаратов. Повод, конечно, сомнительный, но коман-

---

²⁸ Капитан цур зее – капитан первого ранга военно-морского флота Германии.

дующий имел право периодически охлаждать закружившиеся головы некоторых героев Кригсмарине. Так или иначе, оба нуждавшихся в охлаждении голов оказались, как и хотел Клаус, в спецкамере. В таком импровизированном чистилище для доверительно-душевных бесед и взаимных проклятий. Я, честно говоря, чувствовал себя идиотом, провинившимся малышом, которого добрый и опытный воспитатель подвергает изощрённой педагогической процедуре. Нечего мне было сказать этому гаду Прусу, живущему по своим ублюдочным понятиям. Надо было просто пристрелить его тогда в клубе и спокойно отправляться под трибунал! Нельзя было давать ему время открывать рот, произносить фразу. Заговорив, он напомнил мне, что я имею дело с человеческим существом, а не с ядовитой гадиной. Загремела металлическая дверь в соседнем, отделённом звукопроницаемой переборкой отсеке-помещении.

– Милый граф, вы здесь? – услышал я знакомый сипловатый голос. – Только вчера подслушал по радио новый американский хит. Классная песенка, доложу я вам. Называется «Летим на крыле и молитве»... – И он запел своим каркающим голосом, впрочем, на неплохом английском и ничуть не фальшиво:

«Мы летим, ковыляя во мгле,
Мы ползем на последнем крыле.
Бак пробит, хвост горит и машина летит
На честном слове и на одном крыле...»

Ну дела! Ночь была!
Их объекты разбомбили мы дотла...

Вся команда цела, и машина пришла
На честном слове и на одном крыле».²⁹

Эту песенку янки написали в честь «Рейда Дулиттла»³⁰ в апреле этого года. Американцы на своих бомберах³¹ всё-таки поработали по жёлтой столице наших союзничков-япошек. Вы знаете, за что я уважаю американцев? За то, что они циники и прагматики, как и ваш покорный слуга. Не все, конечно, но многие. Они не мучаются сантиментами и вопросами абстрактного гуманизма, когда выполняют боевую задачу. Они классные технари и – я боюсь – обгонят нас в создании сверхоружия. Так вот, помяните моё слово, янки применяют его без колебаний, не терзаясь огромным числом жертв из так называемого мирного населения. Помните ту вашу историю с «Лаконом»? Вы ещё тогда, Ваша светлость, развесили розовые сопли оттого, что у берегов Западной Африки торпедировали корыто, полное всякого сброда, – пленных макаронников, полячишек, их охранявших, приبلудных баб с их сопляками... Ну отобедали бы акулки свежим мясом. Так нет, явился благородный герой, готовый спасти терпящих бедствие, которое, миль пардон, сам же и учинил. Вы кто, граф, боевой офицер германского флота или пляжный спасатель? Какого рожна вы, Исусик, растянули на палубе своего боевого У-бота полотнище с красным крестом? Решили возродить славу своих предков-госпитальеров, рыцарей Тевтонского ордена? Ну так осмелюсь напомнить, они госпитали для своих, – слышите?! – для своих открывали! Зачем вы подставили под удар свой У-бот с экипажем?! Вот американский пилот был трижды прав, когда отбомбился по вражеской подлодке, не обратив внима-

²⁹ «Летим на крыле и молитве» – «Cornin' In On A Wing And A Prayer», 1943 год. В русском переводе «Мы летим, ковыляя во мгле» – перевод с английского песни Джимми Макхью и Гарольда Адамсона. Русский текст: С. Болотин, Т. Сикорская.

³⁰ «Рейд Дулиттла» – 18 апреля 1942 года 16 средних бомбардировщиков наземного базирования В-25 «Митчелл» под командованием подполковника Джеймса Дулиттла, взлетев с американского авианосца «Хорнет», впервые атаковали территорию Японии. Налёт имел малое военное, но большое политическое значение.

³¹ «Бомберы» – здесь Прусс имеет в виду американские бомбардировщики В-25 «Митчелл».

ния на кишевший на палубе человеческий мусор. Не выношу людей, подобных вам. Вы же талантливый солдат, Отто! – так воюйте, уничтожайте врагов Германии! Но нет, вы напичканы книжками всяких Достоевских и Мопассанов вкупе с Дюма и родственниками. С их сифилитическими вздохами о романтических страстях и человеколюбии. При всём уважении к вашим боевым заслугам, мой господин, вы тогда повели себя как испорченный гуманист-аристократ-тишка. Ума не приложу, почему вас тогда же не отдали под трибунал?.. Дёниц всего лишь ограничился приказом, запрещающим оказывать помощь экипажам торпедированных нами судов. Гросс-адмирал, видимо, уповал на то, что вы хороший подводник и будете ещё полезны Рейху.

Опять же, эта история с вашей француженкой. Ну родила бы она от вас полукровку, испортила бы хорошую германскую породу. Женись вы на чистокровной немке, Отто, я ничего не имел бы против вашего отпрыска. При правильном воспитании мог бы получиться отличный экземпляр. Я спас вашу родословную, граф! Спас от рокового загрязнения крови. Такое невозможно исправить иначе, чем вытравив нечистый плод. Говорят, что я причинил вам боль. А как это, Отто? Просветите меня. Что это такое, эта пресловутая душевная боль? Она похожа на зубную? Нет, мне и правда интересно! Вот вы всё молчите, презрение выражаете, а ведь я вам не враг. Между прочим, мы с вами впервые встретились на острове Гран-Канария. Помните испанские Канары³²? Райский уголок, не правда ли? Вы туда после того случая с «Лаконом» зашли на вашем «Чиндлере». На нашу ремонтную базу, подлатать пробойны, оставленные «Спитфайером» или «Либерейтором», – не помню точно, какой американец вас там топил... Я в том походе ещё матросом-гардемарином на одном из первых У-ботов седьмой серии служил, и мы в Лас-Пальмас пополнить топливо и продовольствие зашли. Так я тогда, ваша Светлость, считайте в первый раз вашу жизнь и честь спас...

---

³² Канары – Канарские острова (исп. Las Islas Canarias) – архипелаг из семи островов вулканического происхождения в Атлантическом океане, недалеко от северо-западного побережья Африки. Острова принадлежат Испании. Столиц две – Санта-Крус-де-Тенерифе и Лас-Пальмас-де-Гран-Канария.

Глава 7

Тайна «Виллы Винера»

Разглагольствования Пруса были прерваны юным оберфенрихом цур зее³³, дежурным по гауптвахте. Мальчишка вежливо пригласил его на получасовую прогулку на плацу. Приятного в такой прогулке было немного. Гюнту-Дракону предстояло все полчаса вышагивать строевым по мощёному крупным камнем внутреннему дворику гауптвахты. Арестованные кригсмари-неры, естественно, по этому плацу прусским гусиным шагом не ходили, лишь обозначали его бледное подобие. Впрочем, наши флотские офицеры при необходимости могли показать класс и пройти на строевом смотре железным строем, на зависть иным сухопутным частям.

Щелкунчику всё же удалось меня озадачить. В сорок первом, после истории с «Лако-ном» мне действительно пришлось просить разрешения зайти на сверхсекретную базу наших У-ботов на Канарских островах. После бомбардировки американцем «Чиндлер» захворал. В двух отсеках обнаружили течи, было повреждено палубное орудие и к тому же заклинило командирский перископ. Вскоре я получил ответную РДО-шифrogramму. Мне предписыва-лось зайти для исправления повреждений на остров Фуэртовентура. В его южной оконечно-сти, на полуострове Хандия, располагался подземный ремонтный блок Z-37. Для того чтобы попасть туда требовались особые ухищрения. В пятнадцати милях от берега к нам подошёл рыбацкий баркас. На борт «Чиндлера» поднялся светлобородый загорелый моряк. Это был лоцман, естественно, немец. Он принял на себя обязанности по проводке У-бота и распоря-дился командовать погружение.

На среднем ходу, пользуясь для ориентации вспомогательным перископом, мы подошли почти вплотную к берегу. Здесь, снизив ход до малого, лоцман, словно ниточку в игольное ушко, ввёл старину «Чиндлера» в подводный каменный туннель. Этот, похожий на огромную трубу, длиной метров в двести ход привел нас в довольно обширный грот. Здесь Йоган, так звали лоцмана, дал команду на всплытие. Сам грот, оборудованный в сухой его части как насто-ящая небольшая судоверфь, был во много раз меньше моего заполярного «Лабиринта». Впро-чем, о его существовании я тогда не подозревал. Скальный камень грота имел бурый, цвета запекшейся крови оттенок. В лучах яркого искусственного освещения на всё вокруг, включая лица и силуэты людей, ложился тревожный красноватый отсвет. Застывшая рябь лавы покры-вала пол грота, а иногда встречались островки пористой вулканической пемзы. Я хорошенько пнул один такой, и он разлетелся серо-белой легчайшей крошкой, пачкая ботинки меловой известью. Рабочие, среди которых было немало испанцев, занялись пострадавшим железом моего У-бота. Мне же предложили переодеться в лёгкий, песочного цвета хлопковый костюм вполне гражданского кроя. Экипаж тоже облачили в гражданскую одежду. Ребята смахивали теперь на ещё не успевшую загореть под южным солнцем группу туристов. Йоган велел всем построиться в шеренгу по одному и следовать за ним. Я на правах командира шёл первым, сразу за проводником. Мы поднялись по довольно крутым ступенькам куда-то на верхнюю площадку и вошли в узкий, но достаточно освещённый туннель. Следовать по нему за нашим провожатым пришлось битый час, хотя я не ручаюсь за точность.

Наконец подземный ход кончился. Поднявшись по ступеням железного трапа, наш про-водник откинул крышку металлического люка, и следом за ним все начали выбираться наверх. Мы оказались в обширном помещении без окон, смахивающим грубо обтесанными каменными стенами на винные погреба какого-нибудь средневекового замка. Вот только винных бочек

---

³³ Оберфенрих цур зее – выпускник офицерского училища, исполняющий офицерскую должность в ожидании присвоения офицерского звания.

к разочарованию моих морячков здесь не было. К этому залу примыкало множество других таких же больших комнат. Здесь находились несколько спален с десятком металлических коек в каждой. На кроватях имелись роскошные панцирные сетки, прекрасные матрасы, пухлые подушки и свежее бельё с лёгкими одеялами. Ребята восхищённо зацокали языками.

Под низкими каменными сводами столовой моряки почувствовали себя монахами в монастырской трапезной. Длинный деревянный стол заполняли глиняные блюда с благоухающими фруктами. Возвышались горками ананасы, бананы, манго и ещё всякие невиданные, невыносимо ароматные дары тропиков. Подводники, было, набросились на эту экзотику, но Йоган, посмеиваясь, напомнил им о возможных, с непривычки, последствиях. По соседству с трапезной нашлась бильярдная, большая баня с горячей водой, парилкой и даже несколькими ваннами

«Добро пожаловать на виллу Винера³⁴, майне герен! Отдыхайте!» – радушно улыбаясь, объявил нам наш проводник.

Как мне объяснил Йоган, на этой самой вилле Винера, сверхсекретной базе Кригсмарине, существовали строгие правила для находящихся на ней экипажей У-ботов. Это объяснялось тем, что Испания официально сохраняла нейтралитет в войне и крайне не желала афишировать свою помощь подводным кораблям Германии. Виллу, находящуюся на южной оконечности острова Фуэртовентура, полуострове Хандия, окружали многокилометровые безлюдные песчаные пляжи. Местное население власти выселили с полуострова ещё в 1939 году, а в 1941-м наш соотечественник, немецкий промышленник и инженер Густав Винер приобрёл полуостров для нужд Рейха. К тому времени в скалах Хандии, в глубоких пещерах-гротах, в которые можно было попасть только проплыв изрядное расстояние под водой, уже было оборудовано несколько ремонтных баз для приёма германских подлодок. Нашлось и объяснение, откуда взялись рабочие на сверхсекретной ремонтной базе, где находился в данный момент наш «Чиндлер». Севернее полуострова, в центре Фуэртовентуры располагался концлагерь для нескольких тысяч республиканцев, побеждённых врагов каудильо Франко. Оттуда по необходимости брали рабочую силу и для подземных судоверфей. Среди узников находили квалифицированных рабочих и даже инженеров. Порядки в концлагере были суровые, за провинность одного расстреливали ещё двоих, и даже сама мысль о саботаже не могла прийти в головы лагерников.

– Господин корветтен-капитан, не желаете ли совершить вместе с вашими офицерами морскую прогулку в Лас-Пальмас? – обаятельно сверкая жемчужной улыбкой на загорелом лице, спросил Йоган. Я, разумеется, согласился. Лоцман принёс пухлый конверт и выдал всем офицерам на карманные расходы по пятьсот испанских песет. Мне он вручил тысячу. – Командирам У-ботов и кавалерам железных и рыцарских крестов полагается надбавка, – объяснил он.

Понять, когда он шутит, а когда говорит всерьёз, было мудрено, поскольку этот от природы жизнерадостный парень постоянно посмеивался или улыбался.

Когда прибудем в стольный град Лас-Пальмас-де-гран-Канария, придётся вам потерпеть меня в качестве няньки. Таков приказ, – как бы извиняясь, развёл руками Йоган. – В нашем Канарском раю свои правила, не менее строгие, чем были в Эдеме для Адама и Евы; и даже строже, поскольку запретных плодов здесь более, чем один.

---

³⁴ Вилла Винера – (Villa Winter) на полуострове Хандия – одно из самых загадочных мест Фуэртовентуры. Группа строений, похожая на крепость, стоит среди скал у деревни Кофете (Cofete). В 1937 г. Хандию арендовал Густав Винтер (Gustav Winter) – немецкий промышленник, сотрудничавший с нацистами. С 1939 года всех местных жителей выдворили из окрестностей Кофете. Дом был окружён забором, по периметру его сторожили охранники с собаками. Дорогу к имению строили заключённые из концлагеря Тефия. Рабочие-очевидцы рассказывали о подвалах и гротах, уходивших глубоко в гору. Были сведения о сооружении подземного тоннеля и о таинственных подводных пещерах, куда в годы войны, якобы, заходили субмарины Вермахта.

Я, было, обеспокоился по поводу своих подчинённых из рядового состава, но Йоган и тут меня утешил:

– За ребят не переживайте. Рядовым матросам запрещено покидать пределы окрестностей виллы Винера, но как говорить – «у них всё будет!». Неподальку, на песчаных пляжах Кофете, полно уютных местечек. Вечером, как стемнеет, парни роскошно отдохнут в тёплых водах архипелага. Будет им и классная еда от пуза, хорошее местное вино и самое главное – спецбригада из местных девочек. Эти ангелочки тоже часть базы. У них бессрочный контракт, живут на всём готовом, но не могут покинуть пределов полуострова, – секретность, сами понимаете. Семьи получают неплохие деньги, так что никто не в обиде.

Когда мы поднялись на борт роскошного белоснежного катера, более смахивающего на небольшую моторную яхту, нас ожидал ещё один сюрприз. Из каюты, ниже палубы, выбежала навстречу, дружелюбно помахивая лохматым хвостом, большая чёрная собака. Следом поднялся высокий моложавый мужчина в тёмных солнцезащитных очках и элегантном белом костюме. Йоган вскочил, вытянувшись во фрунт, и гаркнул:

– Господа офицеры!

Все присутствующие выполнили команду.

– Прошу без церемоний, господа! Йоган, я же просил вас! – с хорошо сыгранным смущением замахал руками человек в белом костюме. – Это мне, штатскому шпаку, впору перед вами, боевыми офицерами, спину держать. Продолжайте отдыхать, господа! Повернувшись ко мне, он с улыбкой протянул руку:

– Позвольте представиться, Густав Винер. А вы, значит, и есть тот самый герой-подводник Отто Фридрих фон Шторм? Не согласитесь ли пройти со мной в каюту? Как там обозвал вас идиот-щелкопёр из Беобахтер... «Друг русалок»?! – продолжал, спускаясь в каюту, улыбаться через плечо Винера. – Забавно! Знаете, Отто... Вы позволите вас так называть?

Я, разумеется, не возражал. Винер усадил меня возле откидного столика и принялся разливать по рюмкам добытый из мини-бара коньяк.

– Знаете, Отто, я весьма соскучился по хорошему собеседнику, а посему прошу простить меня за излишнюю болтливость. Вы, я вижу, молчаливы как настоящий тевтонец, потомок древнего рода. Я же, корветтен-капитан, абсолютно штатский человек. Между нами, Отто, – Винер доверительно трогательно сморщил нос, – в Абвере я имею звание штурмбанфюрера. Хотя, поверьте, этот факт души мне не греет. Все мы лишь дети своего времени. Есть у меня одна слабость, Отто – я страстный коллекционер. Вы будете смеяться, но ваш покорный слуга коллекционирует автографы известных людей. У меня есть росчерки всех вождей Рейха, включая, разумеется, Самого. Есть автограф каудильо Франко и его ближайших сподвижников, но кроме этого, в нарушении всех правил и режима секретности, я увлёкся собиранием росчерков командиров У-ботов. Всех попадающих ко мне в гости. Вы не волнуйтесь, я держу свою коллекцию вместе с секретной документацией в специальном волшебном сейфе. В случае чего всё его содержимое будет уничтожено автоматически. Такой уж это умный, не вскрываемый, но сгораемый изнутри шкаф.

Я не стал привередничать и надписал страстному коллекционеру собственное поясное роскошное фото.

Такого не было и у меня самого. Я смотрелся на нём совершенным отретушированным павлином. В парадном кителе, с рыцарским крестом и дубовыми листьями под кадыком, а также с железным первой степени на левой груди. Шевелюра напояжена, как у гамбургского сutenёра, и расчёсана на прямой пробор.

– Вы не представляете, Отто, как тяжело иметь дело с испанцами, – продолжил свой монолог Винер. – Они упрямы, как андалузские ослы и столь же покладисты. Фюрер после

отказа каудильо³⁵ участвовать в операции по взятию Гибралтара терпеть не может генерала Франко. После личной беседы с ним наш вождь долго пребывал в негодовании и заявил, что, мол, сам чёрт послал ему союзничка. Типичного семита внешне и внутренне. У фюрера, доложу я вам, абсолютный нюх на иудеев, как у хорошего композитора – абсолютный слух на музыкальные темы. Мы в Абвере копнули родословную Франко – и что же вы думаете! По материнской линии он маран, крещёный еврей. Его мать, Пилар-Баамонде – прямой потомок великих раввинов Пардо. Франсиско Франко-Баамонде и по отцовской линии истинный еврейский ариец, ха-ха-ха!

Пёс Винера, разлёгшийся на деревянной палубе у наших ног, поднял голову и вопросительно посмотрел на хозяина. Густав успокаивающе погладил собаку по холке и продолжил:

– Городок Франко, родина его отца – типичное маранитское-галисийско-еврейское местечко. Каудильо дал негласное указание своим послам в Венгрии, Румынии, Греции и петеновской Франции выдавать паспорта тамошним евреям. Только в 1940-м году границу Испании пересекли от 30 до 40 тысяч ашкеназов³⁶. Что сказать? Если Всевышний посылает нам таких союзников, то будущее наше незавидно. Впрочем, я опять болтаю лишнее. Хотя мой корвет, – Винер обвёл рукой каюту катера, – абсолютно защищён от прослушки. Можете мне верить! А вы не тот человек, что станет строчить доносы.

После нескольких рюмок коньяка разговорился и я, принявшись живописать обаятельному собеседнику свои подвиги на просторах Атлантики. Нашу беседу прервал спустившийся в каюту Йоган.

– Господин Винер, на траверзе Лас-Пальмас, – объявил он.

---

³⁵ Каудильо Франко – Франсиско Паулино Эрменехильдо Теодуло Франко Баамонде (1892–1975) (исп. Francisco Paulino Hermenegildo Teodulo Franco Bahamonde) – испанский военный и государственный деятель, правитель Испании 1938–1973, генералиссимус. Носитель титула «каудильо», что в переводе с испанского означает «вождь».

³⁶ Ашкеназы (ивр. КФЭЗРОЦ ашкеназим; ед. ч. ашкенази) – субэтническая группа евреев, сформировавшаяся в Центральной Европе. Употребление этого названия для данной культурной общности зафиксировано источниками, относящимися к XIV веку. Исторически бытовым языком подавляющего большинства ашкеназов был идиш. Термин происходит от слова «Ашкеназ» – семитского названия средневековой Германии, воспринимавшейся как место расселения потомков Аскеназа, внука Иафета. По состоянию на конец XX века, ашкеназы составляют большую часть (около 80 %) евреев мира, их доля среди евреев США ещё выше. Однако в Израиле они составляют лишь около половины еврейского населения. Традиционно противопоставляются сефардам – субэтнической группе евреев, оформившейся в средневековой Испании.

Глава 8

Таверна «Полипо»

– Я же сказал тебе, что этого не было. Оставь меня, наконец, в покое! – прорычал я, вконец раздражённый болтовнёй Щелкунчика.

– Миль пардон, дорогой граф, – не унимался этот негодяй. – Вы меня беспокоите. Похоже, наш «друг русалок» подвержен приступам ретроградной амнезии. Что, вы действительно не помните вашего приключения в Лас-Пальмаса? Ну а таверну «Полипо» на окраине города?.. Там ещё был хозяином молодой уродец редкой экзотичности. Вы его хотя бы помните? Парня звали Пабло-Октопус, забыть его невозможно, он вылитый осьминог. У него ещё по три пальца на каждой руке, а сами руки, словно щупальца спрута, какие-то бескостные. Череп безволосый, весь в мерзких шишках. Ну а физиономия! Захочешь, не забудешь! Кстати, его коронное блюдо – осьминожина под разными видами. Говорят, превосходное средство от мужской слабости. Да неужели не помните ни черта, ваша светлость?

Прус, вернувшись с прогулки, то ли издеваясь, то ли всерьёз, уже битые четверть часа пытался убедить меня в том, что на Канарах со мной действительно произошло что-то необыкновенное.

Я до сих пор амнезией не страдал и хорошо помнил всё, что тогда происходило. Дело было в рыбацком посёлке, что расположился на окраине Лас-Пальмаса. Утром яхта Винера причалила к острову Гран Канария, маленькому пирсу в одном из тысячи закутков огромного, раскинувшегося на десятки километров по извилистому побережью порта де-ла-Лус. Винер распрощался с нами и отправился по своим делам. Зато при нас остался Йоган. Правда, теперь он больше смахивал на экскурсовода, знатока местных достопримечательностей. За нашей, в основном бледнолицей компанией, увязалось несколько похожих на смуглых чертенят местных мальчишек. Они дёргали нас за одежду и что-то лопотали по-испански, постоянно повторяя: «Алеман, алеман». Это означало, что они безошибочно опознали в нас немцев. Йоган хотел было прогнать мальцов, но я разобрал в их воробьином писке кое-что интересное. Сорванцы требовали по реалу на каждого, обещая показать длинную железную лодку с пушкой. На ней, якобы, приплыли такие же, как мы «nativo de Alemania». Если перевести дословно с испанского – «родные Германии».

Йоган не без досады признал, что в порту де-ла-Лус сейчас действительно находятся наши братья по оружию.

– Третьяк о заходе в наши края новейшего У-бота седьмой серии мне не с руки, – нехотя процедил наш гид. – Давайте считать, Отто, что вы своим умом до всего дошли и я здесь не при чём.

Искомый У-бот находился неподалёку, в укромном закутке, до которого мы добрались пешком за какие-то четверть часа. Испанский солдат, стоявший в охранении на подступах к пустынному, закрытому маскировочной грязно-жёлтой сеткой причалу, заметил нашу группу издали. Взяв карабин наизготовку, он приказал нам остановиться. Йоган дружелюбно поприветствовал его:

– Буэнос диос, амиго! – И тут же добавил: – Палабра «барко негро».

Солдат опустил оружие и ответно улыбнулся Йогану:

– Буэнос диос, синьор Хуан!

Надо сказать, что «Палабра» – пароль-пропуск – никакой секретной информации не содержал. Барка, то есть лодка, вовсе не была чёрной, скорее, двухцветной. Выше ватерлинии она была цвета тёмной морской волны, зато днище бордово-красное. На рубке красовалась

знакомая до боли эмблема – чёрный кот в боевой позе. Спина дугой! Хвост трубой! Усищи как стрелы! Ну что же?! Значит, старина Максимилиан Перенье, вместо своего разбитого глубинкой «Чёрного Макса», всё-таки получил новенький У-бот. Сам командир подлодки в мятой по старинной моде подводников фуражке как раз покидал свой борт. Увидев меня, «котяра» заблажил:

– Ба-ба-ба! Кого я вижу?! Задница кашалота! Отто, тевтонская твоя морда! – И прямо с трапа полез обниматься.

Перенье был по отцу французом, а потому имел типично галльские приметы: чёрные глаза, орлиный шнобель и весело-склочный характер. В 34-м мы вместе с этим славным похабником домучили курсы подводников-штурманов в Гамбурге. После чего ещё полгода существовали в мерзком качестве оберфенрихов цур зее, недоофицеров, а по сути – полуматросов, изнывая в отсеках вечно протекающей, старой, как её командир, подлодки.

Они оба были ветеранами, 48-летний капитан-лейтенант Курт Лемски, из-за проблем с печенью похожий на старого желтолицего азиата, и его заслуженная посудина, каким-то чудом ещё не списанная на иголки. Лемски в начале века учился в военно-морском училище вместе с моим крёстным, легендарным подводником Отто Виддегеном. Его портреты до сих пор красуются чуть ли не в каждой сельской школе от Пруссии до Эльзаса. Порой мне кажется, что Виддеген с небес каким-то образом подталкивает поближе ко мне своих, ещё живущих на этом свете друзей, дабы они уберегали от невзгод его крёстного сына. Сначала это был Лемски, а позднее другой отец-командир, фон Рэй.

Правду сказать, родство с другом юности капитан-лейтенанта Лемски мою службу под его началом мёдом не сделало. Командир дрючил мою персону, по похабному замечанию Макса – «как албанский пастух любимую козу». Перенье, подозреваю, в глубине души был рад этому факту. Ведь ему, разгильдяю и выпивохе, доставалось меньше ядовитого командирского внимания. Теперь-то я понимаю, почему мучимый больной печенью матёрый желтоглазый волк гонял нас как щенков по отсекам старого У-бота! Лемски стремился превратить глупых двадцатилетних салаг в серьёзных моряков. Вечная ему память и благодарность за то, что мы до сих пор живы. Мы – это Макс, я и наши экипажи.

Максимилиан сграбастал меня в свои медвежьи объятия совсем не по-кошачьи:

– Ну что, пёс-рыцарь, составишь компанию старому котяре? – прорычал он весело.

Речь Перенье, сколько я его помню, настоящий зоопарк. Сравнение друзей и знакомых с разной живностью всегда было его пунктиком. Он и меня, было дело, заразил этой дурной привычкой, так что порой бывает очень трудно не увидеть в человеке образ какой-нибудь животины. Сейчас Макс, похоже, увлекался орнитологией:

– Я со своими альбатросами планирую принять на грудь где-нибудь в тихом местечке, ну а потом по птичкам. Хотя, положим, без девчонок можно пережить, а вот со старым другом бывшее вспомнить – это слаще любой курочки.

– Господин корветтен-капитан, – обратился ко мне стоящий неподалеку Йоган. – У меня приказ. Я не могу оставить вас и ваших офицеров без сопровождения. В Пальмасе безопасно только днём. По вечерам на улицы и тем более в пригородах вылезает из нор всякая местная шваль. Так что без прикрытия вам никак нельзя.

– Ну так пошли с нами, Дон Хуан, идальго ты наш Канарский, – отреагировал без промедления Перенье.

Йоган не остался в долгу:

– Я готов устроить сегодняшнюю попойку за счёт заведения, но с одним условием: командир «Чёрного кота» и его офицеры переоденутся в гражданскую одежду.

– Чёрт с тобой, банкуй! – проворчал Макс-Кот и, сверкнув в сторону Йогана чёрным, вороньим глазом, отправился в каюту переодеваться.

Ресторанчик «Полило» посоветовал нам не кто иной, как Йоган или, в испанском варианте – Хуан. Йоган-Хуан был родом с острова Тенерифе, эдакий Канарский фольксдойче, выходец из небольшой тенерифской общины немецких колонистов. Цитируя Макса-кота: «Прожжённых лисов-хитрецов, облюбовавших для колонизации земной рай – Канары».

Йоган с видом профессионального экскурсовода прочёл нам короткую лекцию:

– Кабачок «Полило» славен двумя вещами. Во-первых, одним из лучших в Испании Канарских вин – мальвазией, чудесным даром тенерифских виноградников, растущих на вулканическом пепле. Ну а во-вторых, неповторимой кухней из морепродуктов, лангустов, кальмаров, креветок, но главное – осьминогов, волшебников-октопусов. Для испанца, даже в преклонном возрасте, весьма важно чувствовать себя «Un hombre»³⁷, мужиком в прямом смысле этого слова. К сожалению, природа не всегда даёт такую возможность престарелым, но всё ещё любвеобильным «Los hombres»³⁸. И тогда на помощь приходят октопусы. Однако для получения нужного эффекта осьминожину надо уметь правильно приготовить. Пабло-Октопус, молодой хозяин таверны, как раз из тех, кто это умеет.

– Нам-то, морским львам с нормальным костяным стояком, на кой дьявол это осьминожье снадобье для похотливых старичков? – с ворчливым недоумением осведомился Макс.

– Просто отведайте тарелку супа «Маринеро де лос Канария» и запейте всё это стаканом ледяной мальвазии. Вы всё сами поймёте, – с утомлённой вальяжностью ответил на это наш гид. Это был стиль искушённого сноба и гурмана.

Надо признать, что молодой уродец, хозяин ресторана, оказался классным мастером своего дела. Пряные ароматы приготовленных им блюд из морепродуктов я вспоминаю и по сей день. Ну а охлаждённое, белое сухое вино мальвазия вообще было выше всяких похвал. Ощущение эйфории и деятельного возбуждения после этой не слишком обильной трапезы действительно было каким-то новым, ранее не испытанным. Сочетание мяса осьминога, пряных специй и отменного вина действовало на организм подобно лёгкому наркотику. Максимилиан, не проигнорировав отменное вино, с удовольствием оседлал любимую «Белую лошадь». Я всегда предпочитал хороший французский коньяк, но поскольку его в таверне не имелось, пришлось вместе с Котом лакать, в общем-то, неплохое шотландское виски. Макс набрался по самую ватерлинию и настолько развязал язык, что поведал мне о затаённой старой обиде. В прошлом году его наградили рыцарским крестом за удачный рейд в Западную Атлантику, а вскоре он имел крайне неприятную беседу с одним паркетным корветтен-капитаном, военно-морским чиновником из Берлина. Этот ферт без обиняков посетовал на не совсем арийское происхождение Перенья и настоятельно советовал переменить фамилию отца-француза на материнскую – Крюгер. Макс тогда с трудом удержался, чтобы не снять с ноги лаковую штиблету и не отхлестать штабника по крысиной физиономии.

– В первую мировую, – с горечью сетовал мой друг, – ни одна собака не посмела бы протыкать славному Арно де ла Перьеру³⁹, что он не стопроцентный немец.

Эта тема нас обоих задела за живое. Больные на голову функционеры-наци с их бредовыми прожеками о возрождении «Арийского ордена тевтонцев» порядком достали и меня.

---

³⁷ Un hombre (исп.) – (ун омбре) – мужик, мужчина.

³⁸ Los hombres – (исп. мн. число) – (лос омбрес) – мужики, мужчины.

³⁹ Лотар фон Арно де ла Перьер – (Lothar von Arnauld de la Periere). Германский морской офицер, герой Первой мировой войны. Был командиром подводных лодок U-35 и U-139, потопил 193 корабля общим водоизмещением более 450 000 тонн, став самым результативным подводником всех времен.

На второй бутылке «Белой лошади» мы с Котом сошлись в едином мнении, что если кто и погубит Германию, так это кретины из верхушки НСДАП. Всё дальнейшее помню, словно в «бискайском тумане». После грандиозного загула я очнулся, как в добрые времена молодости, от богатырского храпа Макса в его пахнувшей свежей краской командирской каюте. Мой друг, как истинный кот, привольно разлёгся на палубе. Там ему было куда удобнее, чем мне в его узкой койке подводника.

Прус задремал, оставив меня наедине с воспоминаниями на целых сорок минут. Но вот раздался смачный зевок и пробудившийся от дрёмы Дракон вновь открыл пасть:

– Возможно, маркграф, вам тогда на Канарах подсыпали в выпивку какую-то дрянь. Иначе как объяснить, что вы позволили ставить опыты на себе, боевом офицере, словно на паршивой морской свинке...

Глава 9

Похищенный

– Гуанчи, граф, вас похитили гуанчи! Я понимаю, что это бредово звучит, но это истинная правда. Между прочим, спас вашу дворянскую задницу именно я, ваш заклятый друг Гюнт Прус. Я бы в жизни не решился кому-то рассказывать об этом. Благодарные слушатели решили бы, что я пережил белую горячку и с лёгкой душой отослали меня к мозгоправам. Мы тогда все крепко набрались в Лас-Пальмасе, в той самой таверне с осьминогом на вывеске. Я, как самый младший, благоразумно отвалил первым и выбрался на воздух, под звёздное небо Канар. Там я нашёл себе уютное местечко под пальмой на белом тёплом песочке. Я, было, сладко задремал, но меня разбудил свист. Между прочим, граф, как у вас с музыкальным слухом? У меня, к примеру, в детстве был голос ангельского тембра. Родись я итальяшкой, и добрые родственники вовремя оскопили бы меня, и сейчас я бы услаждал ваш слух арией в стиле Фаринелли. Впрочем, шучу, остаться без яиц для мужика куда хуже, чем потерять голову. Во всяком случае, музыкальная память у меня так же хороша, как и обычная. Вот послушайте! – И Прус принялся насвистывать нечто совсем не музыкальное. Какую-то смесь морзянки и трелей рехнувшейся от любви канарейки. Этот малохудожественный свист вызвал у меня новую волну раздражения, и я потребовал от Щелкунчика, чтобы он «захлопнул свой поганный клюв». Однако пакостник, почуяв, что нашёл новый способ поиздеваться, нарочно не унимался.

Мое раздражение вдруг сменилось нарастающим беспокойством, и через несколько минут я почувствовал себя на грани паники. В ушах появился назойливый звон, а к горлу подкатила тошнота. Нечто подобное я последний раз испытывал в учебке для подводников. В лёгком водолазном снаряжении нас тренировали в холодных балтийских водах. После одного слишком быстрого всплытия с глубины инструктор засунул меня, полуживого, в декомпрессионную камеру.

Теперь же, как и тогда, я на мгновение почти потерял сознание, но звон в ушах прекратился, тошнота прошла, и я услышал два слова, зазвучавшие где-то внутри моей головы: «Чаора Олора, Чаора Олора...»

К действительности меня вернул всё тот же каркающий голос. Прусу, наконец, наскучило высвистывать свою какофонию, и он вновь ударился в воспоминания:

– Так вот, Ваша Светлость. Я, как уже говорил, был разбужен свистом. В ста метрах впереди стояла это пародия на человека, спрутоподобный хозяин таверны. Именно этот уродец и заливался контуженым соловьём. Через минуту откуда-то издалека ему ответили. Завязался своеобразный диалог. Таким манером Пабло пересвистывался с кем-то довольно долго. Ночь была ясная, и чётко был виден сначала наш ресторатор, а затем и тот парень, что возник рядом с ним. Это, скажу я вам, тот ещё экземпляр. Росту в нём было не менее двух метров. Сам Пабло существо, как вы помните, мелкое и субтильное, вместе с его замызганным поварским передником – килограммов сорок веса. Эти двое смотрелись вместе как персонажи сказки «Джек и бобовое дерево» – прямо великан и гном. Из облаков вышла луна, осветив лицо гиганта. Оно было необычным, странное впечатление производил нависающий, широкий лоб и глубоко запавшие глаза. Из-за такого лба и выдающегося подбородка это лицо казалось слегка вдавленным внутрь. Гигант был светлокочим, а его прямые волосы до плеч имели цвет выгоревшей на солнце соломы. Парень был бы натуральным нордическим блондином, если бы не его странная физиономия. Пабло знаком попросил великана подождать и скрылся в таверне. Через минуту появились вы, монтер. Ваша милость шествовала, как какой-то механический человек, с прямой спиной и неестественной скованностью в движениях. Коротышка Пабло шёл рядом, как будто одновременно страховал и направлял вас. Ваша нелепая компания проследовала к

зарослям колючего терновника, росшего вперемешку с устрашающего вида оранжево-коричневыми кактусами. Место на вид дикое и совершенно непроходимое. Великан принялся высвистывать новые трели, и шипастые заросли, как в сказке, начали медленно, но верно раздвигаться, образуя проход. Белобрысый громила шагнул вперёд, и ваша механическая светлость, ведомая гномом Пабло, последовала за ним. Подгоняемый любопытством, я оставил своё тёплое местечко под пальмой и поспешил к зарослям. Колючий кустарник начал уже закрывать узкую, лишённую земляного покрова тропинку из гладкого камня. Пришлось, двигаясь вперёд, изрядно исцарапаться и даже порвать одежду о терновник. В последний момент я увидел перед собой большую дыру в земле и успел нырнуть туда. В эту кротовую нору, как оказалось, вела крутая лестница, и мне повезло успешно пересчитать собственным тощим задом все её каменные ступени. Шёпотом я высказал всё, что думаю по этому поводу, но тут в крошечной тьме вновь послышались знакомые насвистывания. Пришлось ощупью, держась за земляную стену, идти на звук.

За первым же поворотом, где-то впереди этого подземного хода забрезжили отблески света. Оставалось только подкрасться поближе, благо это было не так далеко. Потерянная, было, мной троица, включая вашу милость, как раз входила в какие-то открывшиеся в тупике хода ворота. Мне повезло в том, что все механические штуки, – и открывавшие проход в кустарнике и эти ворота, – работали со скоростью черепахи. Ваша странная троица уже с минуту как скрылась в проходе, а ворота, неотличимые от остальных земляных стен, всё ещё закрывались. Поскольку мои скромные габариты позволяли, мне удалось в последний момент протиснуться в щель. Я оказался в пределах огромной круглой пещеры, посреди небольшого плато, от которого вниз вел длинный ряд каменных ступеней. Внизу, метрах в ста, находилась огромная круглая площадка, в центре которой имелось каменное возвышение. Это штука по форме походила на многоугольную пирамиду. На вершине постройки, куда вела череда ступеней, находилась ещё одна площадка с длинным монолитным столом или, скорее, ложем. Более всего это напоминало место для человеческих жертвоприношений ацтеков или как их там ещё... кажется, майя. В общем, один чёрт – дикарская развлекаловка. На площадке сверху, где я находился, было несколько довольно больших каменных валунов. За одним из них, чтобы не быть замеченным снизу, можно было укрыться. Светловолосый великан подошёл к пирамиде, поднял правую руку и с силой нажал на один из камней, находившихся выше его головы. Дверь в стене пирамиды открылась куда быстрее, чем предыдущие ворота и проходы. Изнутри ударил яркий, показавшийся мне ослепительным свет. Белобрысый громила вошёл первым. Уродец взял вас за руку как большого ребёнка и последовал за ним. Ваша Светлость плелась, как бычок на верёвочке... Знаете, Отто, что бы вы там обо мне не думали, но Гюнтер Прус никогда не позволит себе оставить в опасности немецкого офицера. Мы с вами тогда ещё не были знакомы, но это и неважно, дело в принципе; а принципы, как вам это не покажется странным, у меня есть. Я когда-то читал о древней истории Канарских островов и помню, что во времена завоевания испанцами Тенерифе в конце XV-го века остров населяли племена гуанчей. Они были светлокожи, светловолосы, голубоглазы и все, как на подбор, высокого роста. К тому же они оказались превосходными воинами. Испанцам, вооружённым огнестрельным оружием и покорившим к тому времени множество племён и земель, пришлось даже потерпеть несколько военных поражений от язычников. И это несмотря на то, что островитяне воевали лишь каменными топорами из обсидиана, луками и копьями. Судя по всему, потомки этого древнего племени сохранились и до наших дней. Белобрысый громила со странной физиономией наверняка был с большой долей крови этих гуанчей, а головоногий «Крошка Цахес»⁴⁰ – его сообщник из местных. Без ложной скромности могу сказать, что в самые критические моменты меня всегда

⁴⁰ «Крошка Цахес по прозвищу Циннобер» – сказочная повесть Эрнста Теодора Амадея Гофмана.

спасали находчивость и самообладание. Эти качества, дарованные мне провидением, видимо, взамен привлекательной внешности, помогли и на этот раз. Знаете, что я сделал, граф, чтобы спасти вашу хваленую честь? Перевоплотился в бродячую собаку! Способность идеально имитировать разные звуки – это лишь один из моих многочисленных и порой странных талантов.

Спустившись к подножию пирамиды, где только что за вами закрылась неотличимая от остальной каменной кладки дверь, я тоскливо завыл. Это была горькая жалоба бесприютного пса, из глупого любопытства забежавшего следом за тремя незнакомыми людьми в подземный ход. Люди исчезли, остался запах склепа, смерти и глухие отвесные стены. При таких обстоятельствах не то, что псина, человек взвывает. Моё актёрство подействовало, и дверь в пирамиде открылась. В полосе яркого света, злобно шипя и ругаясь по-испански, показался гном Пабло. В своих трёхпалых ручках он сжимал огромный для него серебристый «люгер»⁴¹. Этот человекообразный явно намеревался разделаться с глупой собакой, случайно оказавшейся в святилище. Я наблюдал за ним, притаившись за выступом пирамиды и, когда настал удобный момент, прыгнул ему на спину. Затем, легко свалив на землю, слегка придушил, не до смерти, только лишил сознания. Не то чтобы из гуманизма, – ха-ха, вы знаете, Отто, я этими атавизмами не страдаю. Просто, поди знай, как такое мутное дело обернётся? Не стоит сразу сжигать все мосты. Вход в пирамиду был открыт, и ваш покорный слуга, вооружённый добытым «люгером», ворвался внутрь, спасать своего товарища.

Я ожидал увидеть что угодно, к примеру, размалёванных как черти белобрых дикарей, готовящих вашу арийскую милость для жертвоприношения. На том самом алтаре, который я заметил на крыше этой ацтекообразной пирамиды. Было бы забавно, если бы вас нагого растерали для этой цели сакральными благовониями обнажённые блондинки-язычницы. Чтобы затем престарелый жрец-гуанча воткнул бы в ваше тевтонское сердце ритуальный обсидиановый кинжал. Тем не менее, я узрел вполне современную лабораторию с кучей соответствующих причиндалов. Непонятные, сверкающие стеклом и никелем приборы, а так же невиданных размеров микроскоп с двумя окулярами. Эта махина занимала половину пространства довольно большой, ярко освещённой комнаты. Давешний гигант, теперь облачённый в белоснежный, накрахмаленный, как сорочка дирижёра халат, что-то увлечённо разглядывал через окуляры этого прибора. При этом он возбуждённо говорил по-испански, обращаясь к своему уродцу-напарнику, не замечая его отсутствия. Гном Пабло, после не совсем удачной охоты на одного ловкого пёсика, в этот момент отдыхал за ближайшим валуном у подножия пирамиды. Вы же, дорогой граф, раздетый до пояса, возлежали в центре этого приюта вивисекторов на высоком операционном столе. Мельком взглянув вам в лицо, я убедился, что на происходящее вы адекватно не реагируете.

Блондинистый жлоб в белом халате всё никак не мог оторваться от созерцания своих инфузорий под микроскопом.

Чтобы не терять времени, я приставил к его затылку ствол и по-немецки приказал медленно встать. Здоровяк, видимо, опешивший от неожиданности, встал и повернулся ко мне. Чтобы показать, что не шучу, я быстро дернул пистолет в сторону и выстрелил в какой-то стеклянный ящик, похожий на аквариум. Ящик со звоном рассыпался и оттуда, мерзко пища, побежали белые крысы. У тварей были красные, словно воспалённые глазки и розовые чешуйчатые хвосты. Я, по-видимому, произвёл на этого гуанчу-интеллектуала нужное впечатление, лишних вопросов он больше не задавал, лишь спросил на приличном немецком, чего я хочу. Я коротко объяснил, что ничего особенного, выбраться обратно наверх, а заодно прихватить с собой господина германского офицера. Гигант кивнул и подошёл к столу, на котором почивала наяву ваша, словно загипнотизированная, милость. Он вынул иглу из вены и приказал

⁴¹ Пистолет Лютера – «Парабеллум» – пистолет, разработанный в 1900 году австрийцем Георгом Лютером на основе конструкции пистолета Хуго Борхардта.

вам одеться, что вы механически и исполнили. Дальше всё просто. Мы с вами выбрались из подземелья прямо на то же место, на краю терновых зарослей. Но белохалатник- громила, шедший впереди, под моим прицелом, выкинул трюк. Он, с необычайной для его габаритов ловкостью, развернулся и выбил оружие из моей руки. Прозвучал выстрел, но пуля «ушла в молоко». Затем этот Гаргантюа выдал мне такой пинок пониже спины, что я взлетел в небо альбатросом. Приземления не помню, очнулся, когда уже светало. Рядом возлежали вы, граф, но уже нормально дрыхли, храпя, как перебравший шнапса извозчик. В доказательство того, что всё это мне не привиделось в пьяном сне, имелся клочок белой крахмальной ткани – оторванный карман халата, который я, очнувшись, нашёл в своей руке. Скажу лишь одно: зря вы, Отто считаете меня своим врагом. Лично я испытывал и испытываю к вам уважение. Впрочем, это ваше дело. Я что-то заболтался, так что, пожалуй, вздремну. Адью, мон шер...

Слушая рассказ Пруса, я поражался зигзагам жизненных поворотов, постоянно переплетающих наши с ним пути. В чём смысл этой игры Рока? Я мог бы принять всю свою прошедшую жизнь за причудливый сон, если бы не оглушительная и одновременно отрезвляющая боль от потери любимых, близких людей. Гюнт вовсе не спасал меня тогда на Канарах. Он всё правильно излагал, но лишь до того момента, когда ворвался в лабораторию с никелированным парабеллумом. Я тоже всё вспомнил, помог уже слышанный той Канарской ночью немелодичный свист. Ведь музыкально одарённый Дракон в точности повторил его. Я вспомнил всё с того момента, когда Гюнтер вошёл в лабораторию, действительно оборудованную внутри древнего святилища гуанчей. Прус спокойно положил на стеклянный столик оружие и уселся на круглый, покрытый белым чехлом винтовой стул.

Глава 10

Чаора

Я стараюсь никогда не дремать днём. От ночных кошмаров я, к счастью, избавлен, а вот стоит прикорнуть до захода Солнца, так всегда присниться пережитое – то, что действительно приключилось с нами во время рейда в Бискайском заливе зимой 41-го. Мрачные воспоминания навалились на меня неспроста, причиной тому авторемонтная мастерская в соседнем с гауптвахтой дворе. Там усердно рихтовали какую-то гнутую железку— то ли капот, то ли крыло большого грузовика. Неизвестный здоровяк усердно работал немаленькой кувалдой, посылая в окружающее пространство отнюдь не фортепьянные звуки. На каждом корабле или подлодке есть похожие молоты. Небольшую пробоину в корпусе заделывают, забивая в неё кувалдой специальный чоп, пробку из сосны или ели. Такой молоточек наши моряки называют «Шви-гамутер», тёща. Если эдакой тёщей промахнуться по деревянному конусу или клину и врезать по металлической переборке, то гул по отсеку пойдёт, хоть святых выноси. Это частенько случилось на списанном старом У-боте, что притулился за сухим доком и использовался для тренировок по борьбе за живучесть. Мазилу, в этом прискорбном случае, товарищи обкладывали витиеватым трёхэтажным матом, желая ему слиться в противоестественном оргазме с престарелой мамой любимой жены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.